

Вера Чиркова

Разбойник с большой дороги.
Кадетки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Найти любовь вообще непросто, особенно знатным бесприданницам, которых держат в незримых оковах суровые законы древнего рода и неумолимый этикет. Но эта задача становится невероятно трудной, когда ко всему прочему добавляется подпись под королевским контрактом.

Ведь этот документ принесет не только звание кадетки, щедрые награды и расположение ее величества, но и ненависть заклятых врагов королевы, не привыкших останавливаться ни перед чем, если нарушены их тайные планы по захвату власти.

Но на стороне девушек теперь дружба, боевая выучка и помощь магов. А еще первые намеки на долгожданную любовь и счастье... И за это кадетки готовы сражаться.

Вера Чиркова

Разбойник с большой дороги. Кадетки

*Любителям «Маглора» и «Сестер Тишины» продолжение
историй мира Эркада*

Предисловие

На огромном материке кипит сложная и подчас жестокая жизнь.

Плетут хитроумные интриги безжалостные ведьмы Ардага, рвется к господству над Дройвией сумасшедший маг, твердой рукой решает судьбы королевских бастардов непреклонная королева Сандинии, а мудрая матушка Тмирна, настоятельница монастыря Святой Тишины, учит обездоленных войной девушек находить себе занятие по душе и достойное место под солнцем.

А где-то далеко на западе, на соединенном с материком лишь узким перешейком Идрийском полуострове, шесть знатных и гордых, но бедных бесприданниц, давно потерявших надежду на счастливый союз любящих сердец, вступили в битву за свои мечты, заранее зная, что легкой эта война не будет. Однако никто из них не привык склонять голову перед злом и трудностями, да и награда того стоит.

Глава первая

О свадебных законах дроу и некоторых странностях судьбы

С широкого балкона, примыкавшего к расположенной на третьем этаже королевской оранжерее, доносились оживленные голоса и беззаботный смех. Тем не менее Годренс, появившийся из портала на своем излюбленном месте в тени малахитовой колонны, не сразу подошел ближе к повеселевшей компании. На минуту замер, прижавшись к гладкому камню, прислушиваясь к беседе и внимательно изучая представшую перед ним картину. Зантария сидела у маленького столика в окружении фрейлин, а в центре внимания, как маг и предполагал, была миниатюрная маркиза Зайбер, развлекавшая общество байками и шутками. Оба юных принца взирали на нее с самым заинтересованным видом, не замечая быстрых многозначительных взглядов, какими брюнетка обменивалась с бароном Габердом.

«Похоже, и у этих дело стремительно идет к свадьбе», – ехидно усмехнулся Год, припомнив мнение всезнающих придворных дам, утверждавших, будто никому не под силу привести в храм Элторны лучшего мечника королевства. И вовсе не из-за его особой требовательности к внешности или характеру женщин, ни в чем таком Ительниз замечен не был. Зато всем известно о его щепетильности в отношении знатности и богатства будущей невесты. Девушек знатнее или состоятельнее себя гордый барон никогда прежде даже не замечал.

Дора словно почувствовала пристальный взгляд жениха – заерзала, оглянулась, и ее лицо вмиг осветилось искренней радостью. У Года тут же потеплело на душе, и сразу отошли в тень все остальные заботы и дела. Осталась только любимая, торопливо оправляющая идеально уложенные локоны парика и сияющая чуть смущенной улыбкой.

Подходить ближе магу не понадобилось. Вставшая со своего стула княжна что-то шепнула Октябрине, виновато-учтиво поклонилась королеве и, стараясь не отвлекать Кати, аккуратно пробралась мимо принцев, направляясь к Годренсу.

Он шагнул ей навстречу, поспешно подал руку и, получив доверчивую теплую ладошку, сжал ее крепко и нежно, не желая целовать на виду у всех. Отвернулся и повел княжну в полумрак оранжереи, делая вид, будто не замечает провожающих их любопытных взглядов. А едва отойдя в глубь зала на десяток шагов, крепко обнял невесту за талию и нажал на браслете заветный камень.

Выйдя из портала, дроу в первый момент растерялся и испугался, но не за себя, а за встревоженно охнувшую Дору. Все вокруг гремело и лязгало, по мрачной и неприютной комнате, освещенной только сполохами молний, гуляли порывы яростного ветра, приносявшие холодные дождевые струи и пытавшиеся утащить в распахнутые окна насквозь промокшие занавеси. Маг вмиг поднял все щиты, крепче обнял вцепившуюся в него девушку и, успокаивающе глядя по плечам, нашел губами дрогнувшие губы. Так было гораздо проще, а самое главное – приятнее утешать невесту, чем долго объяснять ей, что мимолетно брошенное заклинание домашнего уюта уже заперло окна и высушило лужи, зажгло свечи и очаг, по здешним обычаям устроенный посередине комнаты, в выложенном камнями углублении. Дым уходил в раструб низко опускавшейся к огню медной трубы, обогревавшей все три верхних этажа похожего на башню жилища.

Опомнился Годренс только в тот момент, когда почувствовал, как девичьи пальцы неумело борются со шнуровкой его рубахи. Огляделся и едва не присвистнул, обнаружив себя неизвестно когда устроившимся в своем любимом широком кресле вместе с сидящей на коленях невестой.

– Дора... – поймал осмелевшую девичью ладошку опомнившийся маг, нежно ее поцеловал и заглянул в глаза смутившейся княжны: – Я думаю, нам нужно пожениться.

– Я согласна, – не медля ни минуты, выпалила она, жарко покраснела и догадалась поинтересоваться: – Но ведь мы уже... помолвлены?

– Я дроу, – снова целуя ее руку, почти виновато вздохнул он, – и для того чтобы тебя признали законной женой все мои родичи, должен действовать по дройским законам. Если мы прямо сейчас отправимся к моей родне, то как раз успеем вечером провести ритуал. Но свадьба у дроу – не очень приятное событие для девушек, тебе придется просидеть взаперти одной не менее двух часов, чтобы доказать всем серьезность своего решения. Раньше в небогатых семьях иногда пренебрегали этим правилом, считая его не особенно важным, но после несчастного случая, когда Элторна забрала обратившуюся за помощью девушку, закон соблюдается неукоснительно.

– А у тебя семья небогатая? – задумалась Дора, поймала внимательный взгляд жениха и снова заалела щеками: – Извини, я не потому... если они не могут оплатить, у меня теперь есть деньги, королева положила в гномий банк.

– Дора, я все знаю, и даже сколько там лежит. И тоже говорю тебе это не потому, деньги и у меня есть. И дом тоже, вот этот самый, о нем не знает никто, кроме самых надежных друзей. Но для меня главная ценность теперь ты, и я должен иметь законное право тебя защищать. И всегда быть рядом.

– Год... – Княжна обхватила его руками за шею, прижалась лбом к смуглой щеке и очень серьезно пообещала: – Не волнуйся, я все выдержу. Раз так нужно, просижу в этой вашей темнице хоть целый месяц и даже не пикну.

– Какая еще темница? – ошарашенно уставился на нее дроу, недоумевая, откуда она такое взяла. – Ох, радость моя, наверное, я плохо объяснил. Никакой темницы нет. Невесты сидят в самой лучшей спальне, и все там у них есть: и еда, и зеркала, и умывальня. Только я не смогу туда попасть, и никто не сможет. Щиты накладывают все маги дома. Девушка должна принять решение спокойно и самостоятельно. А все необходимое я уже закупил и отправил с посыльным. Поэтому если ты не передумала, то нам пора идти. Свадебные ритуалы проводят на заходе солнца.

– Не передумала, – помотала головой Дореня и вдруг шмыгнула носом: – Лишь бы ты сам...

– Радость моя, еще никогда, поверь мне, и ничего я не желал сильнее, чем этого ритуала. Не сомневайся и никому не верь... иногда женщины, которые одевают невесту, для испытания ее чувств, нарочно придумывают всякие каверзные проверки. Если не хочешь с ними разговаривать, можешь не отвечать, просто молчи, и все. Сделай вид, будто не понимаешь, – хотя наши языки и схожи, не каждый может изъясняться свободно.

– Я знаю дройский, – хмыкнула Дора, – но разговаривать не стану. Фанья нас учила, что умение смолчать – путь к победе.

– Она очень мудрая женщина, – подтвердил маг, подавив безрадостный вздох: вести любимую в дом родичей очень не хотелось, но другого пути он не видел. – А теперь давай я поправлю твою помаду и прическу и заодно наброшу на нее защиту. Не стоит показывать им

твои тайники.

Мир на миг поблек и сразу расцвел новыми красками. Некоторое время Дора придирчиво изучала комнату, в которой оказалась, и постепенно приходила в недоумение – никак не походило это место на чье-то жилище. Вернее, жить тут, конечно, можно, если добавить посуды, цветов, книг и прочих мелочей, которые неизбежно накапливаются в жилых комнатах.

– Не волнуйся, – успокоил девушку маг, торопливо упаковывающий большие мешки, – это постоянный двор, я снял эту комнату всего час назад. Отсюда мы поедем в коляске, незачем родичам знать обо всех моих способностях.

– А как же я отсюда выйду? – забеспокоилась Дора, смутно помнившая рассказы о дройских обычаях, и получила в ответ нежную, успокаивающую улыбку:

– Под вот этим покрывалом. – Годренс набросил ей на голову накидку из серебристого кружева и прикрепил к прическе шпильками. – Ты правильно догадалась, до ритуала никто из мужчин моего дома не должен увидеть лица невесты.

Больше ничего Дора выяснить не успела. Прибежали услужливые лакеи и потащили куда-то багаж, а следом за ними маг повел свою невесту, только теперь начинавшую осознавать, как серьезно все происходящее с нею.

Княжна вдруг разволновалась, разом припомнив все чужие свадьбы, на которых ей пришлось присутствовать в последние годы. И свои грезы о той, где самой главной из всех девушек будет она, Дореня Марьено. Конечно, особых украшений и дорогих нарядов Дора не загадывала для себя даже в самых смелых мечтах, зато смаковала подробности выбора ткани, примерок, прически... а теперь даже не знает, какого цвета будет самое долгожданное платье в ее жизни.

– Год, – отважилась шепнуть княжна, едва коляска тронулась, – а можно вопрос?

– Да, радость моя, – склонился к ней дроу, бесцеремонно задернув занавеси на окнах. – О чем ты хочешь узнать?

– Какого цвета платья носят ваши невесты?

– Белого, как наряд Элторны, из лучшего торемского кружева, – тотчас сообщил Годренс. – Но на моей невесте платье будет такого цвета, какого она пожелает. И не волнуйся так, радость моя. Мы пробудем там лишь несколько часов и сразу после ритуала уйдем в мой дом. Ну а праздновать это важное событие будем завтра в Беленгоре, с твоими подругами и моими друзьями. Я давно уже живу по незыблемому правилу – делиться счастливыми новостями только с теми, кто за меня искренне радуется. Так в какой цвет окрасить кружево?

– Мне всегда хотелось нежно-голубое, – вздохнула Дора, – но теперь мне нравится твое правило, и я тоже хочу жить по нему. Пусть сегодня кружево будет белым, а завтра станет голубым.

– Как пожелаешь, так и будет, – и не подумал спорить маг, но в его глазах мелькнула лукавая улыбка. – А теперь приготовься, мы скоро подъедем к моему родному дому. И еще, запомни: на тебе мощная зеркальная защита, которая отразит в недоброжелателя любую попытку причинить тебе вред. Поэтому ничего не бойся.

– Спасибо, – серьезно поблагодарила девушка, не решаясь задавать мучивший ее новый вопрос.

Ради чего им нужно проводить ритуал именно здесь, а не устроить свадьбу в Беленгоре?

Все кадетки были бы рады помочь и советами, и делом. Да и удобнее там. Хотя Год и сказал что-то об обычаях дреу, но какое им дело до живущего в чужой стране родича?

Коляска остановилась перед крыльцом старинного каменного дома. Он был еще довольно крепким, но неухоженным и потому выглядел мрачно. Годренс немедленно выбрался на заросшую чахлой травкой дорожку, подал руку Доре и повел ее к невысокому крыльцу без навеса и перил. Конюх и приехавший вместе с ним слуга с постоялого двора потащили следом за ними мешки, корзины и сундучки.

– Добро пожаловать в родной дом, Годренс Чатонде, – звучно объявил, распахивая перед магом дверь, одетый в темное седовласый дреу. – Мы исполнили твою просьбу.

– Благодарю, – вежливо склонил голову маг, не желая, чтобы глава дома рассмотрел ехидный блеск его глаз.

Еще бы они ее не выполнили, если он без обиняков пообещал в случае отказа устроить свадьбу в городском храме и пригласить всех самых уважаемых жителей Тинска.

Биренс величественно кивнул, развернулся и направился в глубь дома, предоставляя незваным гостям следовать за ним, но Годренса такая встреча ничуть не смутила. Он и на более холодный прием был бы согласен, лишь бы уберечь Дору от всех возможных неприятностей, какие могут устроить в будущем родственнички, если с ним что-нибудь случится.

– Куда нести багаж? – тихо осведомился кучер, остановившийся перед ведущей наверх каменной лестницей.

– Мешки и сундучки на второй этаж, – распорядилась, выступая из тени колонны, сухопарая женщина в строгом темном платье, заставив Годренса усмехнуться про себя этой наивной хитрости.

Давно прошли те времена, когда он считался самым бесталанным среди подростков и вынужден был глотать обиды и упреки за каждый кусок хлеба. И делать самую грязную и нудную работу – у дреу всегда было очень жесткое разделение по степени одаренности. А теперь еще от входа заметил стоящую под прикрытием «отвода глаз» двоюродную тетюшку, одну из тех, кого предпочитал бы никогда в жизни больше не встречать.

– Корзинки из ивы на кухню, – властно добавил Годренс, – а из орешника – в комнату невесты, там угощение для нее и одевальщиц. Идем, Дореня, я тебя провожу.

– Мы сами отведем, – словно по команде высыпали из столовой замужние женщины, и вот эти явно принарядились к неожиданному празднику.

Однако маг никому не уступил руку княжны, сам повел ее по стертым ступеням узковатой лестницы. Одевальщицы попробовали отеснить от него невесту, но никто из них так и не смог пробиться через окружающий новобрачных воздушный щит. Суетились женщины втихомолку и так же молча отступили, признав бесполезность всех усилий. Однако шли следом, не отставая и на полшага, и, едва добравшись до галереи второго этажа, снова окружили гостей плотным кольцом.

Перед дверью в приготовленную для невесты спальню, о чем оповещал тощий букетик, связанный кружевной лентой, женщины снова попытались задержать Года, но невидимая стена уверенно раздвинула их в разные стороны, пропустив жениха с невестой вперед.

Комната оказалась не пуста, в кресле у окна спокойно сидела немолодая, очень худая женщина в фиолетовом платье вдовы. Ее темные глаза равнодушно взирали на безмолвную возню родственниц и так же бесстрастно уставились на гостей.

– Добрый день, бабушка, – сухо произнес маг, внимательно оглядывая помещение.

Убедившись, что спальня вполне достойна сегодняшней миссии, хотя и украшена довольно скудно, Годренс незаметно щелкнул пальцами, сбрасывая загодя приготовленное заклинание, и усадил Дору на накрытое потертым покрывалом кресло.

– Я ухожу, дорогая, – громко сообщил он невесте, а бережно целуя на прощанье прохладные пальчики, успокаивающе шепнул: – Ничего не бойся.

Княжна кивнула в ответ, проводила взглядом неторопливо вышедшего из комнаты мага и хмуро усмехнулась. Всего месяц назад она даже не заметила бы всех этих мелких шпилек и едких взоров, которыми встретили ее жениха родичи, но больше не была наивной и беззащитной бесприданницей. Теперь Дора – королевская кадетка и забывать об этом не намерена.

– Ну покажите мне ее, – сухо приказала бабушка, и одна из женщин, подскочив к невесте, поспешила сдернуть с нее накидку.

И тут же отскочила, тихо зашипев, как будто обожглась.

– На ней какие-то чары, – немедленно определила та из родственниц, которая встречала гостей внизу. – Нужно позвать Милса.

– Кстати, – снова распахнулась дверь и на пороге появился Годренс, – забыл предупредить. Моя невеста защищена зеркальными чарами, и всякое ваше движение, способное вольно или невольно причинить ей вред, тотчас вернется к вам.

– Но я только хотела снять накидку, – возмутилась шипевшая женщина, – а она укусила.

– Видимо, снимала ты недостаточно бережно, – жестко прищурился маг, – или не вынула прежде шпильки. И раз так, я добавлю еще условие – надеть на Доренею или снять вы сможете только те одежды и украшения, которые она позволит.

Послал Доре воздушный поцелуй, осыпавшийся на нее душистым цветочным дождиком, по-хозяйски огляделся, довольно ухмыльнулся и ушел, теперь уже окончательно.

Глава вторая

О самом волнительном моменте в жизни каждой невесты – подготовке к свадьбе

Некоторое время после ухода жениха в спальне властвовала тишина. И хозяйки дома, и княжна зачарованно рассматривали происходящие с комнатой изменения. словно случайно заблудившийся солнечный зайчик, все разрастаясь, полз по стенам, мебели, занавесям и окнам, снимая добавленные временем царапины, пятна и заплаты и возвращая вещам первозданный вид и цвет. Постепенно лежащий на полу вытертый почти до дыр ковер стал пышным, сочно-оранжевым и вдобавок расцвел мелкими алыми и белыми цветочками. Стекла окон словно растаяли, обретя полнейшую прозрачность, а медные ручки и щеколды засияли жарким блеском.

Но сильнее всего поразила хозяек дома проступившая на потолке картина – летящий по бурному синему морю храбрый кораблик с белоснежными парусами.

– Иллюзия, – зло процедила одна из молодых женщин, но Дора ясно расслышала в ее голосе зависть и раздражение.

– Нет. – Решив, что пора показать себя, невеста неторопливо подняла руки, вынула шпильки и аккуратно сняла покрывало.

Сначала она собиралась отбросить его в сторону, но случайно заметила, с какой жадностью следят за ее действиями глаза хозяек дома, и тут же передумала. Не настолько они рады Году и ей самой, эти спесивые женщины, чтобы делать им такие ценные подарки. Да лучше она завтра отдаст это покрывало Тэри, та недавно говорила, что хотела бы передать сестренке небольшой гостинец.

Княжна величаво, словно находилась в гостиной королевы, а не в доме дроу из бедного рода, поднялась с кресла, прошла к столу и, аккуратно свернув кружево, убрала его в один из сундучков, из которого две немолодые женщины бережно доставали и раскладывали по скатерти ожерелья и диадемы.

– Этот сундук я заберу с собой, – демонстративно бросив сверху шпильки, на хорошем дройском языке холодно произнесла Дора, внезапно сообразив, сколько денег потратил Год ради этого ритуала.

– Мы всегда отправляем в комнату молодоженов все принадлежащие невесте вещи, – огрызнулась бабушка, почти с ненавистью рассматривая стройную золотоволосую синеглазку. Подождала, пока та сядет на место, и желчно добавила: – А ты, значит, бесприданница, раз до сих пор никто на тебя не польстился.

Дора только снисходительно усмехнулась – этими словами ее уже давно нельзя ни уколоть, ни оскорбить. Да и спорить с правдой она никогда не пыталась: не замазывала темные пятна на старых бальных туфельках зубным порошком и не пришивала новые оборки на немодные платья. Просто заставляла себя забыть про свой внешний вид и никогда не смотрелась на приемах в зеркала. Не собиралась отвечать старухе и сейчас.

– Ну что же ты примолкла? – напрасно подождав несколько минут, пренебрежительно фыркнула дроу. – Не желаешь рассказать нам о великой любви, по какой Годренс на тебе женится? Только не забудь упомянуть про титул, ты ведь из знатного рода? А может, тебе по наследству еще и какой-нибудь полуразвалившийся замок ойдет? Тогда мы хоть порадуетесь

за вас.

Это был очень подлый удар, и еще недавно Дора наверняка вскипела бы от обиды и резко прикрикнула на нахальную старуху. Однако сейчас княжна отлично понимала, какую радость испытает злобная дрю, если увидит, как точно попали в цель ее ядовитые слова. И, вовсе не собираясь делать старой ехидне такой щедрый подарок, состроила самое равнодушное выражение лица. Но и спускать старухе низкого выпада не пожелала.

– Вот теперь я поняла, – глубокомысленно сообщила Дора своему отражению в блестящем обновленной позолотой зеркале, – почему внук так холодно поздоровался со своей родственницей и не принес ей ни подарка, ни гостинца. Судя по всему, она его ненавидит и, стало быть, никогда и не любила. И если до этого момента я собиралась уговорить Года помириться с бабушкой и, возможно, даже пригласить ее в мой полуразрушенный замок, то теперь передумала.

– Да зачем мне твои руины? – в запале презрительно выкрикнула ее противница. – Живите в них сами.

– Так мы и собираемся сделать, – кротко улыбнулась Дореня и нанесла хорошо подготовленный удар: – Жаль только, они будут выглядеть недостаточно старинными после того, как мой муж кастует на них вот это заклинание.

Состроила самую огорченную гримаску и небрежным взмахом указала на стены совершенно изменившейся спальни. Одевальщицы невольно проследили за ее движением и не сдержали завистливого вздоха.

Повезло Гелте, будет теперь задирать нос, а ведь еле уговорили отдать на полдня свою спальню. И главное здесь вовсе не теплый ковер и не появившаяся на потолке картина, а камин, на котором больше не осталось ни одной кое-как затертой трещины, и окна, сияющие целыми стеклами и новеньким деревом вместо давно уже сгнивших рам. Раньше Гелта всегда жаловалась на сквозняки и дымящий очаг.

– Поторопитесь, – строго прикрикнула на одевальщиц бабушка, – ей еще подумать нужно, зачем она выходит замуж за самого неудачливого и лживого мужчину во всей Дройвии. Он ведь небось показывал ей эти ларцы и обещал все драгоценности подарить после ритуала, но забыл предупредить, что взял их под залог в ювелирной лавке и после свадьбы все до последнего колечка нужно будет вернуть.

– А кружево? – осторожно спросила одна из женщин, расшнуровывая большой мешок и доставая пышный рулон драгоценной торемской ткани.

– Наверняка договорился с торговцем сдать назад со скидкой, – процедила старуха, мстительно покосившись на задумавшуюся чужачку.

Однако она очень изумилась бы, узнав, о чем на самом деле думает невеста ее ненавистного внука. Дору никогда особенно не манили драгоценности, хотя сапфировый комплект, украшавший витрину самой большой ювелирной лавки ближайшего к замку Марьено городка, долгое время был тайной мечтой юной княжны. Однако с некоторых пор ее душа охладела и к любимым сапфирам, и ко всем прочим украшениям. Виной этому стал бывший жених, приславший Доренее письмо с просьбой вернуть сделанные в честь предстоявшей помолки подарки, объяснив это требование ревностью новой избранницы.

Разумеется, Дора тотчас отправила ему с посыльным все довольно скудные дары, не забыв присовокупить к списку и стопку сотни раз перечитанных записочек, и бережно хранимые ею до того дня ленточки и шнурки, некогда стягивающие любовные послания. И после этого больше никогда и ни от кого не брала никаких колечек или брошек, не желая

второй раз испытать подобное унижение. Только браслет Годренса... и теперь ей вдруг нестерпимо захотелось на него взглянуть.

Дора даже взялась за рукав, но представила жадные, заинтересованные взгляды одеваальщиц и удержалась от искуса. Ей браслет и так уже знаком почти наизусть, каждую свободную минутку любуется. Княжна живо припомнила, как жених объяснял, что смастерил это украшение сам, и вдруг поверила заявлению злобной бабки.

Ну конечно, он взял эти сундучки взаймы, и не важно, где, в королевской сокровищнице или у кого-то из своих пациентов. Главное – все нужно вернуть, до последнего камушка. И Доре ничуть не жаль этих украшений, ей вообще ничего не нужно, ни одно колечко не стоит того, чтобы ради него Год влез в долги или набрал новых заказов. Либо пациентов... какая, по сути, разница? И значит, сегодня ее светлости нельзя привередничать и подбирать драгоценности по своему вкусу. Пусть вешают на нее все подряд: ради мужчины, от одного взгляда на которого становится светло на душе, Дора вполне может несколько часов походить разряженной, как рыночный затейник.

– Жалко, – тихо вздохнула одна из молодых одеваальщиц. – Обычно нам остаются какие-нибудь безделушки.

– А сегодня обойдетесь, – едко прошипела старая дроу. – И все кружево на нее намотайте, нам его обвинений в грабеже не надобно. И так уже один раз ославил на весь Тинск.

Дора пропустила эти слова мимо ушей, не собираясь верить обозленной на Годренса старухе. Внимание княжны было занято окружившими ее со всех сторон дроу.

– Можно причесать твои волосы? – сухо поинтересовалась женщина постарше, подступив в невесте с частым гребнем в руках. – У нас положено выходить замуж с распущенной косой.

– Нет, – жестко остановила ее Дора и, догадавшись по лицам женщин, как ошеломил их ее отказ, мягче пояснила, стараясь не сказать ни слова лжи: – Мне делали прическу лучшие мастера. Украшайте так, но шпильки втыкайте осторожно. Не хотелось бы причинить вам боль.

Дроу помрачнели и недовольно засопели, без слов подтверждая худшие опасения княжны. Судя по всему, кое-кто из них, наоборот, не прочь бы поставить чужачке несколько синяков и ссадин.

Некоторое время они упорно работали, обвешивая голову невесты сеточками, диадемами и бусами, потом холодно попросили ее встать и принялись обматывать кружевом, делая из него подобие платья с широкой многослойной юбкой. Вскоре Дореня видела в зеркале пышный кокон из ажурной ткани, не находя для себя иного сравнения, кроме как с кочаном капусты. Под конец на нее повесили все остальные бусы, броши и ожерелья, натянули кружевные перчатки и поверх них надели кольца и браслеты.

– Хорошо, – одобрила законченную работу наблюдавшая из своего кресла бабушка и съязвила: – Пусть бедняжка напоследок почувствует себя богатой и счастливой. Сажайте ее и накрывайте.

Дору втиснули в кресло и набрасывали сверху кружевные покрывала и огромные платки до тех пор, пока все более злившаяся княжна не рывкнула:

– Хватит!

– Положено семь покрывал, счастливое число, – ехидно просветила невесту невидимая старуха, и в ее голосе Дореня ясно расслышала почти нескрываемое торжество.

Бабка определенно устроила чужачке какую-то пакость и теперь радовалась, что сумела поймать ее в ловушку. Вот только в какую, княжна пока понять не могла. Некоторое время вокруг нее раздавались торопливые шаги, женщины чем-то шуршали и что-то передвигали. Наконец стукнула дверь, щелкнул засов и все стихло.

Минут пять Дора сидела покорно, ожидая, не вернется ли надоевшая ей толпа, потом осторожно подняла руки, намереваясь откинуть с лица платки, но это ей почему-то не удалось. Покрывала словно держал кто-то сильный и упорный.

В первый момент девушке не поверилось в накотившие волной подозрения, рассудок сам принялся придумывать оправдания и простые причины, не позволяющие снять ткань. Припомнился даже давний случай, когда она нечаянно наступила на собственный подол и не могла подняться с кресла. Дора тут же пошевелила по очереди ногами, попутно пытаясь приподнять покрывало с разных сторон, и зло посмеялась над собственными наивными надеждами. Ткань явно была привязана либо придавлена чем-то тяжелым.

Княжна наконец догадалась, чем занимались одевальщицы, укрыв ее несколькими слоями ткани, а потом запоздало припомнила слова Годе о корзинах с фруктами, зеркала и умывальне.

«И значит, она должна была до заката свободно гулять по комнате, отдыхать и лакомиться лучшими плодами...» – Невеста лишь сейчас полностью осознала всю низость подстроенной ей западни.

От возмущения и гнева щеки кадетки полыхнули огнем, и тут же ей стало нечем дышать, а на лбу выступила испарина. Ужасающее предположение обрушилось на девушку, как ушат ледяной воды, заставив ее ошеломленно затаить дыхание. Спина вмиг оледенела, пальцы кадетки задрожали от внезапно пришедшего запоздалого понимания, как сильно заблуждался Годренс, считая родичей просто жадными и не догадываясь об их истинной жестокости и подлости.

И уж тем более непокорный маг даже не подозревал, какую страшную месть они придумали, эти подлые дроу, и насколько тяжелый удар предстоит ему вынести вместо свадьбы.

Острым жалом вонзилась в душу Доры боль за любимого и жалость к самой себе и словно наяву встала перед глазами жуткая картина: вот на закате одевальщицы толпой входят в комнату, ловко растаскивают в стороны кресла и сундуки, придавившие углы покрывал, и, подняв многослойную ткань, злорадно любят на задохнувшуюся чужачку. А потом с притворными криками и рыданиями бегут вниз, чтобы обрушить страшное известие на ничего не подозревающего Годе.

Княжна невольно всхлипнула, яростно мотнула головой, отгоняя страшные видения, и тихо зашипела, почувствовав, как больно дернул волосы парик.

Ну конечно, тут же сообразила кадетка, они постарались покрепче пришить кружево к ее прическе, чтобы она никаким образом не сумела выбраться из их тщательно подготовленной ловушки. Вот только и представить не могли, что на самом деле волосы у невесты не достают и до плеч. И тем самым оставили ей хоть и непростой, но верный путь к спасению.

– Ну, убийцы, – прошипела кадетка, начиная понимать, как правильно поступил когда-то разбойник, заставив их обрезать волосы, – вы крупно просчитались.

Несколько минут Дора потратила, снимая с пальцев кольца и перчатки, – нащупать сквозь кружево крохотный потайной крючок, закрепляющий парик, было невозможно.

Дышать при этом девушка старалась ровно и время от времени приподнимала перед собой пачку покрывал, давая доступ робкой струйке свежего воздуха, проникавшей откуда-то снизу. Наконец все кольца и браслеты оказались у нее на коленях вместе с перчатками, и руки заученно скользнули по шее вверх, стремясь добраться до заветной застёжки.

Однако и здесь кадетку ждала недобрая новость: покрывающие голову сеточки были накрепко пришпилены не только к парик, но и к платью. Теперь она могла лишь ругать себя за простодушие, с каким доверилась чужим, ненавидящим ее жениха женщинам.

К этому моменту княжна постепенно убедилась, что задохнуться насмерть она могла только в одном случае: если бы запаниковала, начала дергаться и еще больше запуталась в ткани. Но и тогда оставалась маленькая надежда на спасение: если бы она потеряла сознание и начала дышать намного реже.

Но даже в самом лучшем случае, сняв с нее перед часовой покрывала, одевальщицы явили бы взглядам родичей растрепанную, зареванную и опухшую невесту с безумным взором и размазанной помадой.

Все что угодно могла бы спустить Дора родственникам мужа, только не намерения испортить ей самый долгожданный праздник. Эту низость княжна поклялась не прощать злым гадинам никогда.

Больше кадетка не торопилась. Просунув руку под щедро усыпавшие прическу украшения, она потихоньку, с передышками, нащупывала булавки и шпильки и по одной вытаскивала из парика и ткани. Крючок она сумела расстегнуть уже через треть часа, но освобождения это не принесло: кое-где остались булавки, крепившие сеточки к кружеву наряда и не дававшие снять парик с головы. Рука постепенно уставала, начинало ломить плечо, но Дора и не думала сдаваться. Упорства бывшей бесприданнице всегда хватало, иначе она уже давно ходила бы на приемы с собственным, хорошо потрепанным жизнью и бывшими женами мужем.

Примерно через час, когда княжна сумела свободно провести рукой по шее, покругить головой в разные стороны и осознать, что ничто ее больше не держит, никаких сил радоваться победе у нее уже не оставалось. Но появилось несколько задумок, как выскользнуть из проклятого кокона, и кадетка начала по очереди проверять их на деле.

Самый простой план – сползти из-под покрывал вниз – потерпел неудачу. Не удалось и выдернуть хоть один край верхнего покрывала, придавленного чем-то тяжелым. Зато Дора сумела подтянуть и поднять повыше сначала самый нижний платок, а потом и три последующих. Дышать сразу стало легче, и некоторое время девушка отдыхала, откинувшись на кучу ткани и рассматривая проступившие сквозь кружево смутные очертания комнаты, щедро освещенной расставленными по каминной доске подсвечниками с толстыми свечами.

– Гадины, – рыкнула девушка, сообразив наконец, почему ей так душно, достала из тайничка крохотный, но невероятно острый гномий кинжальчик и бестрепетно вонзила в последние, самые плотные покрывала.

Уже через несколько мгновений, высунув на свободу голову с прилипшими ко лбу влажными от пота растрепанными прядями, княжна жадно глотала свежий воздух, показавшийся ей прохладным после почти полуторачасового плена. А заодно с ненавистью озирала баррикаду из кресел и сундуков, запиравшую ее кружевную темницу.

За последний час она успела отчетливо осознать, что коварные дроу придумали эту безжалостную западню вовсе не в тот момент, когда одевали и наряжали ее к празднику, которого, как они уже точно знали, у ничего плохого не сделавшей им девушки не будет. Нет,

они, несомненно, все обсудили, распределили роли и приготовились загодя. Иначе откуда бы взялись надежные кожаные шнурки, крепко примотавшие углы верхних покрывал к ножкам массивных кресел, стола и сундука? Ведь ни в одном королевстве обычные женщины не носят с собой полные карманы таких завязок.

Доре еще невероятно повезло сдержаться, не впасть в панику и не начать кричать и дергаться, безрассудно тратя силы и небольшой запас воздуха. И вот за это нужно сто раз сказать спасибо разбойнику, это он своими придирками и ловушками научил прежде почти беспомощную кадетку искать выход в самых безвыходных ситуациях.

Дора решительно разрезала покрывало дальше, потом попыталась выскользнуть из западни и с чувством выругалась, обнаружив, что сотня намотанных на нее локтей кружева тоже где-то привязана.

Но теперь, когда девушка могла свободно дышать и ей ничего не грозило, придумать, как выпутаться из драгоценного белоснежного плена, было намного проще. Но сначала княжне хотелось взглянуть на заветный браслет, к которому, словно зачарованные, все время возвращались ее мысли.

Подарок мага оказался на месте, он так же мягко сиял искусно ограненными камнями, придавая девичьей душе уверенности и сил.

– Спасибо, Год, – с чувством шепнула княжна и нежно погладила теплые камни. – И не волнуйся за меня, теперь я выберусь.

– Откуда? – словно далекое эхо донесло издали взволнованный голос жениха.

«Перегрелась в проклятом коконе», – тяжело вздохнула девушка, прикидывая, с чего ей начинать распутывать ставшее капканом одеяние. С кучи булавок, крепивших ткань, или все же с драгоценностей.

Глава третья

О том, где и с кем проводит время до свадьбы счастливый жених

– Сходил бы погулял, – прозрачно намекнул Году глава дома. – Тебе необязательно сидеть тут, пока мы готовимся к церемонии. Все равно ничем не поможешь.

Маг молча кивнул. Рассказывать бывшим родичам, что он и сам легко управился бы со всеми приготовлениями, сделав все намного лучше их, Годренс не собирался.

Взял свою шляпу, дорожный саквояж и вышел из дома, куда всего полчаса назад входил первый раз за последние восемнадцать лет. Хотя и давно не вспоминал ни о нем, ни о тех, кого когда-то считал своей семьей.

Неторопливо шагая по направлению к центру города, маг, ехидно усмехаясь, рвал одну за другой навешенные на него следилки. И совсем простые, почти топорные, и весьма изощренные. Эти он оборвал самыми последними, когда нить, связывающая его с одним из бывших родичей, стала совсем тонкой.

Лишь после этого Год свернул в проулок, ведущий к небольшой гостинице, и вскоре уже запер за собой засов снятой на день скромной чердачной каморки.

Некоторое время он расслабленно сидел в продавленном старом кресле, успокаивая вскипевшую в душе старую обиду, потом не выдержал. Тревога за Дору постепенно становилась все сильнее. И хотя маг предпринял все меры, чтобы с его невестой не случилось никакой беды, события последнего часа ясно показали: ничего в том доме ему не простили и никакого добра не сделают. Несмотря на весомый кошелек, выданный Годом на расходы бывшему дяде.

Ругая самого себя за мнительность, маг достал крошечный стерженек вестника и сунул в порталную пирамидку.

Вирденс возник напротив него всего через несколько минут, словно ожидал этого вызова. Бегло оглядел дешевую комнатуху, весело хмыкнул и плюхнулся на заправленную потертым одеялом лежанку:

– Рассказывай.

– Я женюсь, – коротко сообщил Год и неожиданно для себя тяжело вздохнул.

– А подробнее можно? – нахмурился Вирд. – И что именно тебя заставило? Или кто?

– Ты не так понял – никто не заставлял. Я наконец нашел ее, свою судьбу. И теперь она сидит в доме Чатонде, а меня гложет тревога.

– Разве ты ее не защитил?

– На ней несколько сильных амулетов, мой свадебный браслет и заклинание зеркального щита. Но ведь они все маги и отлично знают старинные родовые проклятия и ловушки.

– Второй браслет у тебя? – нетерпеливо перебил его маглор.

– Нет, в том-то и дело. Я оставил шкатулку с ним там, ты же знаешь законы.

– А ты как будто не знаешь своих родичей, – сердито фыркнул учитель. – Они же сейчас небось всей семьей стараются выковырять из него хоть один камушек или снять щиты. Ну а хоть какая-нибудь вещичка, принадлежащая твоей невесте, у тебя есть?

– Нет... – Под этим укоризненным взглядом Годренс чувствовал себя тем же

деревенским простаком, каким он когда-то нанимался в прислужники к юному маглору с одной-единственной темной полоской на ногтях. – Но в Беленгоре есть несколько париков из ее волос, я сейчас схожу.

– Идем вместе, – как обычно бесцеремонно решил Вирденс, подхватывая ученика магической лапой. – Где ее покои?

– На третьем этаже. Но поместье закрыто моими щитами.

– Да? – лукаво удивился маг, делая незаметное движение пальцами.

Полумрак оранжереи встретил их тишиной и насыщенным ароматом цветов и фруктов.

– Веди, – приказал невидимый учитель, и Год безропотно направился к дверям. – Стоять. Вот теперь я верю, что ты влюблен, раз другого способа передвигаться, кроме как ножками, уже не знаешь.

– Извини. – Придворный маг представил себе спальню Доры и нажал на камни порталного браслета.

Вирденсу понадобилась всего одна минута, чтобы выбрать один из париков княжны и прихватить лежащее под зеркалом старинное колечко, судя по потертому ободку, послужившее не одной из княгинь Марьено. Намного больше времени он потратил, стоя у окна и задумчиво разглядывая сторожевые башни.

Год стоял рядом, магическим зрением наблюдая, как ярче расцветают, свиваясь в более сложный узор, линии защитного плетения.

Закончив, маг без предупреждения подхватил ученика и перенес в его гостиничную комнатку.

Бдительно прислушался, язвительно усмехнулся и движением брови резко распахнул створки небольшого оконца. Короткий вскрик донесся почти одновременно с глухим ударом, но никто из мужчин и не подумал сделать хоть движение в ту сторону: оба отлично знали – любопытный лазутчик жив, невредим и отделался лишь легким испугом. Маги плато никогда никого не убивали. Если, разумеется, не было никакого иного выхода, но такие случаи можно пересчитать по пальцам.

– Похоже, не зря ты тревожился, – пробормотал Вирденс, успевший устроиться за столом и построить перед собой призрачную магическую пирамиду, на вершине которой бледно светился овал смотрового портала.

Одно из самых новейших изобретений магов плато, появившееся у них совсем недавно и позволявшее заглянуть в любое помещение, если там находился предмет или человек, к которому можно было протянуть надежную нить связи.

– Что ты видишь? – метнулся к учителю Годренс, всмотрелся в мутное, словно залитое киселем изображение. – Вроде жива, и никого рядом нет. Видно плохо... то ли надевает украшения, то ли снимает... А в этом окошке всегда все как в тумане?

– Нет, обычно искомый предмет виден очень ясно, – огорченно пробормотал магистр, колдуя над призрачным приспособлением. – Посиди тихо пару минут, я попытаюсь сходить в гости к твоим бывшим родичам.

– Нет! Они сразу заметят, если ты тронешь щиты, – встревожился Год. – Ты же знаешь, как надежно защищают у нас невест? Особенно после случая с родственницей правителя.

– Помню я тот случай, – безразлично отмахнулся магистр и вдруг оживился: – А ведь это идея! Посиди минуту, я попробую договориться с одним другом.

– Вирд! Ты обещал...

– Не волнуйся, не стану я никому открывать твоих тайн, помню про клятву.

– Если бы они были мои, – невесело усмехнулся Годренс, – я бы тебе позволил делать все что угодно. Но ты же знаешь, это тайны Рада, вернее, Зантарии, а она категорически против вмешательства магов плато. Ей и из-за меня хватает упреков и обвинений в нарушении закона...

Последние слова он произносил в пустоту – ни мага, ни его необычного прибора в комнатухе уже не было.

Вернулся магистр не один, а с двумя незнакомцами, и не через минуту, а спустя почти четверть часа. За это время Год успел раз десять отругать себя за принятое решение, хотя точно знал – это был самый простой и безболезненный способ раз и навсегда разделаться с родичами, от которых он никогда не видел ничего, кроме обид.

– Может, найдем местечко посвободнее? – сухо осведомился, оглядываясь, стоящий впереди всех сухощавый немолодой дрю с символом старшего дома на груди.

– Больше всего подходит старый дом с башней в трех сотнях шагов от поместья Чатонде, – тотчас отчитался Вирденс, вовсе не ради праздного интереса так подробно изучивший все подходы к крохотному имению дяди Годренса. – Там живет древняя старуха с преданными слугами. На верхний этаж башни никто никогда не поднимается.

– Веди, – блеснув желтоватыми глазами, коротко приказал второй, совсем молодой незнакомец и вдруг швырнул в Годренса какое-то заклинание.

Мгновенно нагрелись и полыхнули зеленью камни в кольце и подвеске, защищающих придворного мага от ментальных атак. Годренс с такой же привычной скоростью отреагировал на это предупреждение подаренных учителем амулетов, подняв все свои щиты и выхватив боевой жезл. В изящном оружии, похожем внешне на дамскую указку, на самый крайний случай хранился десяток сильнейших огненных вихрей.

– Год, – тотчас оказался рядом Вирденс, – ты с ума сошел? Это свои!

– Извини, Вирд, – буркнул желтоглазый, – это моя вина. От твоего ученика несет тоской и отчаянием, хотел немного успокоить. А щиты у него хороши, даже не ожидал, судя по ауре.

Отвечать Вирденс не стал – спеленал всех магической сетью и открыл проход, ему, опытному мастеру порталной башни, спонтанные переносы давались легче, чем остальным.

Вот и сейчас – не успел Годренс мигнуть, как оказался стоящим посреди полутемного помещения, прямо напротив узкого пыльного оконца, за которым тускло алело падающее за горы солнце.

Маг озирался всего несколько мгновений, и за это время в помещении, явно бывшем когда-то лабораторией лекаря или травницы, исчезла вся пыль. Осталась только на оконных стеклах, все остальное блестело так обожаемой маглотами чистотой. А его учитель вместе с незнакомцами уже устраивались за широким столом, на котором начинал сгущаться силуэт призрачного прибора. Год поспешил примоститься за спинами магистров, успев по дороге обнаружить символ старшего дома и у желтоглазого.

Но глаза у него теперь почему-то были обычные, карие и насмешливые.

– Вот она, – облегченно выдохнул Год, разглядев в смотровом портале сидящую посреди комнаты Дору, присмотрелся внимательнее и нахмурился: – Ничего не понимаю...

– Я пока тоже, – сердито рыкнул молодой маг, колдующий над туманным окошком. – Но сейчас... сейчас...

В комнате словно потемнело, а овал заглядывающего в чужой дом портала, наоборот, стал красочнее и раздался почти вдвое.

– Осторожно, – прошипел старый магистр, – почувствуют!

– Он входит через дым, – очень вежливо пояснил Вирд, и Год согласно кивнул.

Огонь действительно всегда немного искажает любые щиты. Всего чуточку, но тонкой, как игла, следилке, несущей на острие крохотный магический глаз, вполне хватает, чтобы проскользнуть под прикрытием струйки тепла.

Лицо Доры словно приблизилось, и сердце Годренса сжало острым пониманием случившейся с ней беды. Девушка была бледна, короткие золотые волосы, обычно казавшиеся пышной короной, потемнели от пота и прилипли ко лбу неопрятными прядями, синие глаза смотрели устало и сердито.

Год разглядывал ее и лихорадочно размышлял, как поступить? Просить помощи у учителя и его могущественных друзей или просто помчаться сейчас в дом дяди, устроить там скандал и вырвать Дору из недобрых лап родичей? А решать все остальные проблемы он будет потом...

– Вирд, объясни ему, что никуда бежать не нужно. Теперь мы и сами разберемся с этим делом. И скажите мне, что за артефакт у нее на руке?

– Это мой свадебный браслет, – пояснил не отрывающий взгляда от невесты придворный маг. – В нем защита, моя и учителя.

– Спасибо, Год, – шепнула вдруг Дореня и нежно улыбнулась. – И не волнуйся за меня, теперь я выберусь.

– Откуда? – ошеломленно выдохнул маг, но овал вдруг угас, а под потолком вспыхнуло золотистое сияние магического светильника.

– Обсудим? – спросил молодой маг и оценивающе глянул на друзей. – Кто скажет, что не так в этом вашем ритуале?

– *Нашем* ритуале, пора привыкнуть, десятый год все-таки. И сделай по чашке чая, я как раз собирался перекусить, – ворчливо поправил немолодой магистр, потом остро глянул на настороженного Годренса и как-то обиженно добавил: – Никогда не думал, что в Дройвии найдется сильный маг, который бы меня не узнал. Где ты его прячешь, Вирденс?!

– В Тальзии, – кротко сказал маг, но в его голосе послышалась хорошо знакомая Годренсу гордость.

За него, Года, бывшего когда-то самым бесталанным среди всех двоюродных и троюродных кузенов, не говоря уже про дядюшек.

– Но там же не жалуют магов, – недоверчиво прищурился старик. – Или...

– Или. Годренс – придворный маг ее величества Зантарии Селваронской.

– И ты прятал его от нас! – Возмущение, пылавшее во взгляде старшего дроу, было совершенно искренним, хотя и чуточку преувеличенным.

– Он меня не прячет, – заступился за учителя Год и смущенно смолк, не зная, как не обидеть друзей Вирденса пояснением, что у него просто не хватает времени на бесполезные знакомства, он и так еле успевает отражать нападки врагов.

– Тогда давай знакомиться, – принял произнесенные извинения старший магистр. – Я – Гуранд.

– Иридос ди Тинерд, – буркнул молодой маг, покосился на растерявшегося дроу и ехидно улыбнулся главе магического совета Дройвии: – Радуйся, Гуранд, о тебе он все-таки слышал.

– И о тебе, судя по его изумлению, – едко огрызнулся глава дома ди Сартено и тут же перевел разговор на более интересующую Года тему: – А в том доме, судя по всему, готовилось преступление, и я бы на твоём месте не закрывал смотровое оконце.

– А я и закрыл не до конца, – спокойно сообщил глава дома ди Тинерд. – Оставил ментальную следилку, это мое личное изобретение. И пока девушка спокойно снимает с себя драгоценности, хочу услышать ваши объяснения. Почему и за что жители этого дома приговорили ее к удушению?

– Убью, – тихо и как будто спокойно прошипел Годренс, но его собеседники как по команде примолкли и помрачнели, расслышав в этом скупом обещании неукротимую ненависть.

– Год, можно я сам поясню? Вкратце? – деликатно осведомился Вирд, получил в ответ молчаливый кивок и поспешил посвятить друзей в события, произошедшие более тридцати пяти лет назад.

Глава четвертая

О детстве Годренса, тайнах и обычаях его родичей, незваных гостей и резких поворотах судьбы

– Отец Года был сильным магом, – начал свой рассказ Вирденс, вздохнул и покосился на ученика. Ему самому понадобилось почти три года, прежде чем диковатый парнишка с почти невидимой аурой и невероятным трудолюбием рассказал простую и неприглядную историю. – Все свои доходы он отдавал в дом, как было заведено в семье, и все было хорошо, пока он не влюбился. Невеста была из небогатой семьи, да еще и из Ардага. И не могла оставить родителей – ее старшая сестра уже вышла замуж в Сандинию, а других детей у них не было. Он уехал со скандалом, мать его прокляла, отец не отдал ни медяка из заработанных сыном денег. А через семь лет маг погиб вместе с женой, и вскоре в Ардаг заявили его братья и забрали маленького Года и все ценное имущество. Убитые горем старики и не думали протестовать, но прожили после этого недолго. Первое время в доме дедушки к Годренсу относились хорошо, но когда сирота подрос и стало ясно, что дар у него очень слаб, им начали помывать все кому не лень. Он терпел до четырнадцати лет, а потом явился к городскому главе со снятым со столба объявлением – почтовая гильдия Ардага приглашала одаренных парней для работы на порталных башнях. Всем желающим обещалась поддержка властей, вы же знаете, как не любят дроу отпускать детей, собирающихся покинуть родину.

– И они его до сих пор не простили?

– Они бы про него и не вспомнили, лишний рот в этой семье – хуже врага. Но, уходя, Год сумел отсудить часть отцовского наследства, и не от вредности или жадности. Ему просто не на что и не в чем было ехать в Тмис, а приближалась зима. Однако в гильдию его не взяли, зато нанял в прислужники молодой маглор, недавно прибывший с плато.

– А откуда у него появились способности? – недоверчиво поинтересовался Гуранд.

– Всегда были. Я сразу обратил внимание на странные несоответствия между цветом его ауры и ее устойчивостью. Когда Годренс кастовал маленькие бытовые заклинания, аура не исчезала, значит, резерв не становился меньше. Через некоторое время, сделав несколько экспериментов, я убедился, что на резерве парнишки стоит очень хитрое запирающее заклинание, и написал письмо учителю на плато. Он пришел, подтвердил мои выводы и снял замок. С того дня Год считался моим учеником, а не слугой. А теперь про Дору. Все заметили, что ее верхние покрывала чем-то разрезаны? Значит, она не смогла их откинуть и встать. И тогда понятно, почему невесту, как забором, окружили креслами и сундуками, ее одеяния явно к ним привязаны. Хотя на первый взгляд это выглядит так, словно одевальщицы ушли, позабыв за собой убрать, вот только на столе не видно ни одного лоскутка или шпильки.

– А девушка молодец, не растерялась, – похвалил Иридос. Внимательно посмотрел на сородича, потом на Годренса и понимающе хмыкнул: – Похоже, тайны у вас до сих пор общие.

– Он мне друг и однажды спас, – не принял шутки Вирд. – Но сейчас некогда об этом говорить, нужно решить, как поступим с домом Чатонде и не пора ли забирать оттуда Дореню. Она, конечно, смелая и умница, но, боюсь, родичи Года не оставят ее в покое. Уж

очень им хочется укунуть его побольнее, и не только в отместку за выданный когда-то кошель. Довольно тощий, могу вас заверить, дядюшка посчитал каждый кусок хлеба, съеденный племянником. Теперь родичи злятся на него и за презрение соседей, осудивших их за измывательства над сиротой, и особенно за появившийся у него дар. Уходящие мимо их жадных лап деньги – вот что не дает спокойно спать старосте дома Чатонде и его матушке.

– Идите туда, – тотчас решил глава дома Тинерд, – а мы придем следом, минут через пять. У меня есть одна мысль... и предупредите хозяев о новых гостях, не стоит их пугать заранее. А Дору я слышу, сейчас она распутывает свое одеяние и ругается... очень хорошо, моей жене понравилось бы.

Прикидываться слабеньким магом Вирд не пожелал – одним махом перенес ученика прямо на крыльцо дома Чатонде и дернул шнурок звонка.

О том, что никто не ожидал жениха так рано, магам сказала испуганное лицо парня, открывшего дверь и тут же попытавшегося захлопнуть ее прямо перед носом гостей.

Хотя он и должен бы знать, как не любят таких шуток прошедшие практику в человеческих землях маглары. В последние девять лет они стали намного больше рассказывать жителям Эркады о себе и своем плато, да и вмешиваться в кажущиеся им несправедливыми действия людей тоже начали значительно решительнее.

В следующий миг неучтивый дроу сидел на крыше старенькой конюшни, а маги спокойно входили в полумрак дома, скупо разбавленный светом одной тоненькой свечки.

– Кто там? – раздался раздраженный мужской голос, и Вирд уверенно направился к приоткрытой двери, за которой рассмотрел сразу пять аур различной яркости.

Но ни одна и близко не могла сравниться с ореолом, сияющим вокруг его ученика в те редкие моменты, когда он не считал нужным скрывать ее заклинанием, изобретенным отцом и подправленным самим Вирдом.

– Свои, – уверенно заявил магглор, распахивая магической лапой дверь и окидывая внимательным взглядом мужчин, собравшихся вокруг стола, на котором лежал на подставке изящный брачный браслет. – А можно узнать, что вы собираетесь делать с этой вещицей?

– Просто люблю на красоту плетения, – ядовито заулыбался Фил Чатонде, самый старший из присутствующих. – А вот когда это мы приняли вас в родню, я, извините, не припоминаю.

– Ваш племянник семнадцать лет назад поступил ко мне в ученики, – хладнокровно пояснил магистр, – а учителя у магов плато, как всем известно, становятся близкими по духу людьми. А теперь позвольте мне забрать этот браслет, хочу добавить в него парочку защитных заклинаний, пока есть время.

– Мой внук не предупредил нас, что намерен пригласить учителя, – едко прокаркала сидевшая в тени немолодая дроу, явно считавшая слабенький «отвод глаз» достаточной защитой.

– И друзей, – сообщил Вирд, спокойно забирая магической лапой браслет и подвешивая его в воздухе перед собой. – А зачем же вы трогали щиты? Да еще и так грубо... Верхнее заклинание служит укрепляющим, и если его не снять, саму защиту изменить невозможно.

Он нарочно влил в браслет побольше энергии и позволил ей свободно заполнять нити плетения, чтобы яркими сполохами могли полюбоваться и самые слабые из присутствующих магов.

– Какие еще друзья? – нахмурился хозяин. – Мы не готовы принять чужих.

– Не готовы? – изумился учитель, остановив взглядом попытавшегося открыть рот Годренса. – А мой ученик сообщил, что отправил сюда достаточно денег и продуктов. Может, вас обманули лавочники? Так я мигом выведу их на чистую воду.

– Мой сын неточно выразился, – зло поджала губы старуха. – Мы просто не стали много готовить – лето, жара...

Ее сыновья и внуки кисло поморщились, бабка только что почти откровенно призналась, что им не под силу кастовать на продуктовый подвал постоянное заклинание холода. Хотя не делали они этого совсем по другой причине: обычно хранившиеся в доме продукты вмещались в один ларь.

– Это мы исправим, – легкомысленно отмахнулся Вирд, – лишь бы свадьба получилась красивой и светлой. Кстати, вам не пора зажечь свечи и начинать готовиться к выходу невесты?

– Мы сами знаем, – буркнул, поднимаясь со стула, дядя Годренса, и в этот миг в прихожей, дверь в которую никто так и не прикрыл, вспыхнул яркий свет и оттуда раздались громкие, уверенные голоса. – А это еще кто?

Лицо Фила Чатонде покраснело от возмущения, и он уже даже рот приоткрыл, намереваясь отчитать бесцеремонных гостей, но вдруг резко остановился, потрясенно рассматривая знакомые всем по портретам, описаниям и профилям на монетах лица.

Иридос ди Тинерд, глава самого известного в Дройвии старшего дома, Гуранд ди Сартено, глава совета магов, и сам правитель, Изиренс ди Минхор. А с ними три женщины, одна постарше и две совсем молодые, с вызывающей откровенностью украшенные амулетами и поясками, какие носят только потомственные ведьмы.

– Гости, – невинно хмыкнул не отходящий от ученика ни на шаг Вирд.

Пусть Год и вырос со временем в очень сильного мага и отлично умеет держать себя в руках, но сейчас нервничает и злится, как зеленый новичок. Слово не понимает, что теперь за жизнь и безопасность Доры отвечают намного более могущественные маги и никому уже не удастся причинить ей никакого вреда.

И потому лучше не отпускать его от себя, в таком состоянии Годренс может наделать ошибок, за которые потом будет сам себя корить.

– Мы же вам объяснили... – начала недовольно выговаривать бабушка, но в этот раз сообразительные родичи не дали ей закончить обвинительную речь, дружно отеснив старуху за собственные спины.

Но она уже успела заметить, как решительно поднимаются по лестнице прибывшие с гостями женщины, и словно взбеленилась:

– Куда это они идут? Это не по закону!

– Я имею право издавать и нарушать законы Дройвии, – негромко и холодно процедил Изиренс, следя за уходящими женщинами, смутно похожими между собой, словно они были родственницами.

Впрочем, ведьмы обычно держались стайками – сестры, матери и дочери, так что в этом не было ничего необычного.

Маги дома Чатонде поторопились кастовать на упорную бабку сон, сунули ее в дальнее кресло и снова загородили своими спинами, точно зная, сколько язвительных упреков придется выслушать, когда она проснется.

Некоторое время все стояли безмолвно, на робкое приглашение Фила присесть гости ответили презрительным молчанием. И встрепенулись лишь в тот миг, когда на верхней

площадке появилась одна из молодых ведьм.

– Девушка жива и невредима, – немедленно сообщила она, и Годренс перевел дух. А ведьма хмуро глянула на Фила Чатонде и сердито добавила: – Но была привязана за одежду и украшения к ножкам кресла и сундукам, и ей пришлось разрезать покрывала, чтобы свободно дышать. Там горит два десятка больших свечей, и в некоторые из них добавлены травы – сонница, синяя хмарь и дурманика. По одной они служат для снятия боли и как снотворное...

– Пусти, – яростно дернулся Год и возмущенно засопел, ощутив опутывающие его с ног до головы невидимые воздушные плети.

– Извини. Но они и без нас сделают все необходимое, – мягко улыбнулся ему Иридос ди Тинерд. – Моя жена и ее помощницы – сильные целительницы. А мы пока послушаем хозяина, за что он приговорил к удушью невесту своего племянника? И снимите сон с той старухи, она, как я понимаю, самый главный свидетель.

– А мне кажется, не стоит нам сейчас с ними разбираться, – внезапно возразил ему магистр ди Сартено. – Мы все свидетели, что эти дроу готовили преступление, и пусть их допрашивают опытные дознаватели. Лучше отправить всех в тюрьму и самим перейти в мой дом, я уже отдал приказ готовить свадебный ритуал. И пусть потом они только попытаются признать его недействительным и протянуть руки к имуществу Годренса. Кстати, а не желаешь ли ты выйти из дома Чатонде и вступить в дом ди Сартено?

– Я давно от них ушел, – горько произнес Год, – только ради закона привел сюда Дору. Думал, если дам им побольше денег и драгоценностей...

– Значит вступаешь в дом ди Сартено, – твердо объявил Гуранд. – Иридос, ты сам отправишь отсюда всех преступников или мне вызвать портальщиков?

– У них наверху в дальней комнате несколько старух и детей, – хмуро сообщил глава оборотней. – А насчет вступления в твой дом я бы ему советовал не спешить. Пусть успокоится и все обдумает, сейчас ему не до таких серьезных решений. И если пожелает, дом ди Тинерд тоже готов принять ученика моего друга.

– Вы оба меня опередили, – усмехнулся Изиренс. – Я собирался предложить Годренсу то же самое и теперь присоединяюсь к совету Иридоса – спокойно подумать после свадьбы. А праздновать мы будем в моем дворце. Ну а женщины и дети не в чужом доме остаются, и кроме того, самых молодых мужчин тоже не стоит таскать по тюрьмам, пусть дадут клятву в невиновности.

– Мы тоже невиновны, – выскочила из кухонной двери и упала к ногам повелителя обливавшаяся слезами женщина. – Она нас заставила, Росана! А не послушаться нельзя, зашпыняет потом... и придумала все она, и с заказчиком говорила тоже она... я подслушала... кха-кха...

Женщина закашлялась и вдруг забилась в судорогах, начав задыхаться.

– Дура, – просипел Фил Чатонде, оглянувшись и отчаянно выкрикнул: – Хамел! Ну сделай хоть что-нибудь!

– Мы сами, – огрызнулся глава дома ди Тинерд, успевший воздушной плетью уложить женщину на вытертую кушетку и бросить на нее глубокий сон. – Вирд, видишь?

– Да, – хмуро кивнул целитель, еле заметно шевеля пальцами. – Оставлять тут никого нельзя, она хорошо подготовилась. Собирай всех домочадцев сюда, бросим сон и отправим в лаборатории ди Сартено. Заодно пошли весточку Гайлене, давненько я не делал ей таких подарков.

Во всех комнатах и на лестницах ярко вспыхнули созданные им светильники, но магистр даже не оглянулся. Подлое заклинание неразглашения впиталось в каждую клеточку несчастной женщины. Такие делали только сильные алхимики, и вычистить их следы было далеко не так просто, как снять висящие на человеке обычные чары. Приходилось пропускать по телу жертвы заклинание чистки небольшими дозами, чтобы жар, неизбежно выделяющийся при очищении, не убил ее.

– Что тут у вас происходит? – Старшая ведьма уже спускалась по лестнице, ведя за собой накрытую белоснежным покрывалом невесту.

Молодые ведьмочки шли следом за ними, и все они несли в руках узлы и сундучки.

– Зачем вам все это? – на миг подняв голову от пациентки, удивился магистр Иридос, но откуда-то взявшееся многорукое существо тотчас отобрало у женщин их ношу и покорно поплыло следом.

– У тебя новое изобретение, – с откровенной завистью буркнул жожаку оборотней ди Сартено, и заинтересовался, рассматривая спускающуюся по лестнице невесту: – А из какого она дома?

– Она из Тальзии, – с хорошо спрятанным удовольствием просветил главу гильдии магов Вирденс и кротко добавил: – Наследная княжна Доренея Марьено, приближенная фрейлина ее величества Зантарии Селваронской.

– Идиоты, – тихо прошипел правитель, яростно глянув на притихших родичей Года. – Все будут в каменоломне ума набираться... Иридос, усыпи их наконец!

Ответить ему никто не успел – над крышей дома гроыхнуло с такой силой, что испуганно звякнули стаканы в поставце. И сразу же за окнами разлилось яростное сияние, словно внезапно вернулся полдень или кто-то безумный зажег сотню огромных костров.

Всем вмиг стало ясно, что второе предположение вернее: окна начали потрескивать, запахло горящим деревом. Маги как по команде выстроились кружком, подняли руки, плетя единую защиту, и окна тут же подернулись туманом, а взрывы стали доноситься глухо, как через одеяло.

– Анэри! – выкрикнул начавший покрываться красноватой чешуей оборотень. – Быстро все сюда! Я сам вас уведу.

– А дети? – отчаянно крикнула одна из опасливо выглядывающих из кухни молодых женщин. – Пощадите хоть их!

– Да с чего ты взяла... – прикрикнула на нее другая дроу и сразу смолкла, вовремя припомнив, какая кара грозит чересчур разговорчивым.

– Дети сейчас будут тут, – грозно рыкнул когтистый, змееглазый глава дома ди Тинерд, – а вы помалкивайте.

На лестнице появилась кучка уже знакомых присутствующим многоруких тварей, и каждая тащила не по одному ребенку или старику.

Еще несколько шустро сновали по комнатам, собирая остальных родичей Года и прыгая с ними в темный туман перехода.

– Стойте! – закричал Фил, когда магический паук потащил к порталу его мать. – Ее нужно разбудить! Она одна знает, где наши ценности!

– У тебя дети чуть не сгорели, – презрительно глянул на него ди Сартено и тут же смолк, рассмотрев бегущего к ним очередного паука, нагруженного чугунами и бочонками, осыпанными землей и мусором.

– Это пока положить в хранилище дознавателей, – сухо приказал правитель и

скомандовал: – Уходим. Щиты скоро догорят. Годренс, вы со мной.

Годренс оборвал нить, по которой вливал в защиту свою силу, стараясь не думать, что магистры обошлись бы и без него, подхватил замершую рядом Дору и шагнул к Изиренсу, тут же крепко ухватившему его за пояс.

Глава пятая

Об интересах правителей старших домов Дройвии, их способах добычи информации и необычной свадьбе кадетки и мага

Всего через несколько мгновений они стояли в небольшой округлой комнатке, где был лишь пушистый меховой ковер на полу да кучи подушек у стен. Видимо, это порталная комната, сообразил жених, заметив распахнутое широкое окно. Больше Год ничего рассмотреть не сумел – Дора резко отбросила покрывало, и ее побледневшее личико оказались прямо перед его взором.

– Прости, любимая, – шепнул маг, с тревогой вглядываясь в синие глаза. – Я считал их людьми... хоть и жадными, но не убийцами.

– Год... – Княжне хотелось сказать, что она и сама все это знает, а еще поняла очень ясно, как он ей дорог, и поэтому никакие бабушки со своими ядовитыми сплетнями не заставят ее отказаться от мага.

Но молчала, стесняясь объяснять все это при суровом повелителе Дройвии, знакомом ей раньше только по портретам. О том, что он лично прибыл на ее свадьбу, ошеломленной Доре сообщили непонятно откуда взявшиеся ведьмы, молниеносно развязавшие все шнуры и умело поправившие замученной невесте наряд и прическу.

– Я пришло сюда женщин, – донесся от двери голос Изиренса. – Пора начинать ритуал.

– Дора... – едва захлопнулась за ним дверь, крепко прижал к себе невесту Годренс. – Любовь моя, счастье мое... Дора, я пообещал их убить, если с твоей головы хоть волосок упадет.

– Не нужно, – отмахнулась княжна, занятая только одной мыслью – захочет он ее поцеловать или здесь это предосудительно. – Их и так накажут, мне ведьмы сказали.

Год все-таки поцеловал ее, и Дора пожалела только о том, что взволнованные новостью женщины дома ди Минхор прибежали слишком быстро.

С шуточками и извинениями отгеснили жениха, подхватили покрасневшую невесту и увели в соседнюю гостиную, где за несколько минут ловко и деликатно выяснили, почему на ней столько разномастных драгоценностей. И тут же предложили простой выход – они украшают Дору любимыми ею сапфирами, а все принесенные Годом украшения отдадут на хранение в сокровищницу. А позже, в любой удобный день, ее муж сможет прийти и получить назад свои драгоценности. Или ему перешлют их в гномий банк.

Дора сомневалась недолго, очень не хотелось предстать перед правителем соседнего государства и его советниками разряженной, как шут. А едва сообразив, что о подробностях этой свадьбы придется рассказывать подругам и королеве, сделала выбор:

– Давайте сапфиры.

Женщины обрадованно засуетились, и вскоре Дора на себе ощутила, как должна чувствовать себя невеста, которую наряжают к свадьбе доброжелательные и внимательные одевальщицы. Можно, ничего не опасаясь, удобно сидеть в мягком кресле, понемногу отпивая восхитительный лимонный чай, доверчиво отдавшись умелым и бережным рукам. И не волноваться за жениха, вынужденного договариваться с недобрыми родичами об

угощении и гостях.

Сам же Годренс в этот момент сидел возле смотрового портала и с замирающим сердцем следил за происходящими в сотнях лиг от него событиями. Только после того как правитель привел его в свой кабинет и торопливо раздвинул плоскости артефакта, подаренного ему магами плато, Год с огорчением сообразил, как неверно понял намерения учителя и его знаменитого друга.

Вовсе они не сбежали, бросив на произвол судьбы его родовое гнездо. Но теперь уже не защищались, как в тот момент, когда старшие магистры друу уводили подальше их с Дорой и всех остальных. Только ведьм и родичей Года необычные слуги главы оборотней утащили в собственный портал Иридоса.

Сейчас Годренс видел бабкин дом со стороны и невольно содрогался, представив, каково приходится тем, кто живет неподалеку. Две мощнейшие стихии бушевали в этот момент на окраине тихого, мирного Тинска – невероятной силы ливень и не менее яростный огонь.

Из-под рухнувшей крыши вырывались густые клубы дыма, смешанного с неистовыми языками магического пламени, в котором плавилась и трескались прочные камни старинных стен. Ни окон, ни дверей давно не было, и в оставшиеся от них проемы тоже лилось пламя, неправильное, пузырящееся, как пена на квасе, и тягуче-алое, словно лава на склонах восточных вулканов.

Магистры стояли рядом под сизовой пленкой купола, неслышно что-то крича друг другу, и о том, чем они заняты, можно было понять только по буйным струям, поливавшим не желающий сдаваться огонь, да по огромным темным теням, в которых только отсюда, издали, можно было угадать странных, многоруких летающих созданий магистра Иридоса. Хотя, наверное, правильнее будет называть их его помощниками.

Теперь они были выше людей едва ли не втрое и стремительно металась вокруг остатков строения, чем-то забрасывая самые яркие очаги огня. И там, куда попадали непонятные снаряды, пламя начинало бледнеть, опадать и чадить густо, как сигнальный костер.

– Где же ты нашёл таких сильных врагов?

Как появился в комнате магистр Гуранд ди Сартено, Годренс, к своему огорчению, не заметил, задумавшись о родичах, потерявших последнее имущество. Как бы он ни был обижен, но не понимать, как ошибочно винить всех подряд, все же не мог. Большинство из них, особенно самые слабые маги, старики, женщины и дети, ничем не могли помочь ему ни в детстве, ни сегодня. Даже за сочувственный взгляд на изгоя дядя наказывал очень сурово. Недаром же в доме было строжайше запрещено упоминать имена родителей Года, и он узнал их, лишь когда отвоевывал в том злосчастном суде родительское наследство.

– Это не мои враги, – нехотя буркнул Год и стиснул зубы – королева насторого запретила рассказывать кому-либо о своих бедах.

Не верила она в безвозмездную помощь, да и обвинения знати, имеющей в королевстве вес, грозили вылиться в новый Каррит.

– Тогда, значит, ее величества, – утвердительно кивнул сам себе Изиренс и снова уставился в порталное оконце. – А зелья у них очень мощные.

Год хмуро промолчал, он и сам уже давно понял, что напали на них не маги. И огонь тоже опознал, именно таким пытались уничтожить их там, на дороге в Деборет. Невольно начинаешь думать, откуда у врагов такие огромные запасы сильнейших алхимических зелий,

какие запрещено изготавливать во всех королевствах материка, а на территории Идрийса и подавно.

– И часто на тебя так нападают? – не желал униматься глава магического совета.

– Извини, Гуранд, – появившийся в комнате Вирденс словно не с пожара явился, а из купальни, так свежа была его одежда и безукоризненно причесаны светлые волосы, – но не советую тебе мучить вопросами моего ученика. Он клятву давал, и я тоже. Хотя и считаю это неправильным, но спорить пока не могу.

– Кстати, – заинтересованно прищурился Гуранд, – ты вроде заикнулся, что он тебя спас?

– Да это давно было, – усмехнулся магистр. – Но если очень желаете знать, я расскажу, пока Иридос не появится.

– Он уже появился, – устало буркнул возникший посреди ковра глава оборотней. – Изиренс, с тебя премия дому ди Тинерд за спасение города. Эти звери вбухали в жилище Филадельфия столько фиалов с жидким огнем, что хватило бы на всех.

– Но когда они только успели? – не поверил Годренс.

– Заранее. – Иридос движением пальца создал на столе несколько больших глиняных кружек с напитками и, ухватив ту из них, над которой поднимался душистый кофейный парок, устроился на диване. – Пока Анэри с Орисей переодеваются, могу пояснить то, что понял.

– А Мэлин? – осторожно осведомился верховный магистр друу.

– Пошла за мужем и Таилосом, я пригласил их от вашего имени. А теперь о зельях. Судя по эмоциям старухи, это все ее интриги. Кто-то пообещал ей деньги, как я могу предполагать, за разрешение следить за домом. Судя по тем бочонкам с золотом, заплатили очень щедро, она даже не решилась сдать деньги в гномий банк, а просто закопала в подвале. Ну а когда ставили следящие камни, заодно насовали во все щели и фиалов с огнем. О том, как они узнали о появлении Годренса, я пока сказать не могу, но, думаю, кто-то подал сигнал. Хотя могли и следить, раз такие богатые. И теперь мне интересно только одно – кто?

– Они не могут сказать, – с преувеличенной вежливостью пояснил Гуранд, – давали клятву. Годренс – своей королеве, а Вирденс – ученику. Кстати, он как раз рассказывает, как ученик его спас.

– Да? – В карих глазах Иридоса зажглись желтые искры. – Очень интересно.

– Тогда я был совсем зеленым магглором, – вздохнул Вирд, – и, как все новички, жил очень бедно и голодно. И вовсе не собирался нанимать прислугу, но у парнишки, робко спросившего, не нужен ли господину магглору слуга, цвел над головой бледный ореол магии, и кроме того, он был друу. Поэтому я не колеблясь взял его, но честно предупредил, что иногда буду задерживать оплату, так как и сам пока зарабатываю немного. Однако он был в еще более бедственном положении, и потому сделка состоялась. Не буду рассказывать про все тяготы, пережитые нами вместе, скажу только, что Год оказался незаменимым слугой. Он умел делать все – убирать, готовить и торговаться на рынке. И последнее было самым ценным: если вы помните, в те времена торговцы Дройвии не сбрасывали магглорам и медяка. Так мы перебивались больше оборота, и за это время Годренс из слуги перешел в ученики, и вечерами, в свободное от работы время я учил его азам магической науки. А весной мне предложили выгодный контракт в предгорьях Ардага, и мы отправились туда вместе. Как выяснилось позже, на самом деле никакой работы не было, просто шайка слабых магов намеревались пожить моими накопителями и амулетами. А возможно, у

них были и другие планы, этого я не знаю до сих пор. Разумеется, я мог уйти на плато, вам известно про последний шанс. Но предпочел драться, да и Года не хотел оставлять. Нас загнали в каменистую пустошь, где даже трава не росла, но мы спрятались за валуном и отбивались из последних сил. На закате они ушли – видимо, знали, как холодны там ночи. И Год об этом догадался, в его родных местах вёсны тоже такие. А у меня к этому моменту не осталось ни одного заполненного накопителя, и в пылу боя я сгоряча опрометчиво истратил подчистую весь резерв. Не было и ни одного зелья, придающего сил. Да и мантия у меня тогда была почти пустая, обменялся с одной соотечественницей, вернувшейся с плато. Год накрыл меня своей курткой и ушел, а я лежал и чувствовал, как нестерпимый холод пробирается под одежду, под кожу, и почти безразлично ждал момента, когда сработает тревожный перенос. Только обидно было, почти до слез, начинать практику с первой полоски. И когда я почти уверился, что скоро буду сидеть дома за столом и отъедаться за все голодные дни и ночи, вернулся Год. Он привел с собой местного скотовода с лохматыми бычками и кучей одеял. Они напоили меня горячим отваром трав, куда щедро добавили меда, завернули в одеяла и отвезли в маленький поселок, где нас ждали горячее мясо и жирный суп. Теперь я могу вам открыть – Год рассказал им, что его учитель великий целитель, даже зрение якобы возвращал слепым, а безногим – конечности. Но вот попался на удочку злых людей, поведавших об умирающем ребенке...

– Теперь я понимаю, – усмехнулся Иридос, – почему Гайлена зовет тебя напарником. А вот тех подлецов хотелось бы найти, но немного позже. Я слышу волнение – сейчас выведут невесту, нам нужно спешить.

Мигом вскочивший Годренс бросился к двери, услышал за спиной беззлобный смех и, не оглядываясь, сердито фыркнул. Легко смеяться, если не твою любимую едва не сгубили продавшие тебя родичи.

– Не обижайся. – Воздушная плеть сцапала мага мягкой лапой.

Мелькнул туман перехода, и жених оказался стоящим рядом с оборотнем в ярко освещенном зале, сиявшем начищенным паркетом, зеркалами, позолотой рам и канделябров, драгоценностями в прическах женщин и на поясах мужчин. А прямо против них по широким полупрозрачным ступеням лестницы из редчайшего янтарного дерева спускалась вниз стройная девушка в белоснежном кружевном платье, и с каждым ее шагом ткань неуловимо меняла цвет, словно впитывая голубизну усыпавших диадему сапфиров.

– Позволь мне как твоему другу провести ритуал, – попросил Вирд, дождался растерянного кивка ученика и решительно выступил вперед, почти столкнувшись с дреу в торжественном черном одеянии.

Что-то тихо тому сказал, и магистр безропотно отдал ему шкатулку с браслетом жениха и ключ от святилища Элторны.

– Не волнуйся, – снова просветил Годренса глава дома ди Тинерд, – он все сделает правильно.

– Я ничего подобного не боюсь, – честно ответил Год, не сводя взгляда с приближающейся невесты, – мой учитель – замечательный человек. Но не хотелось показывать всем нашу дружбу.

– Это тебе чем-то грозит? Или... ему? – догадался оборотень и снова сверкнул желтыми огоньками глаз. – Можешь не отвечать... иди!

Он чуть подтолкнул мага, и тот, сорвавшись с места, почти пробежал несколько шагов до стоявшего с важным видом Вирденса, вызвав в толпе гостей легкий смешок. Но все тотчас

же стихли, внимая зычному голосу магистра, громко вопрошавшего замершую перед ними невесту:

– Княжна Дореня Марьено, по своей ли воле ты собираешься соединить судьбу с графом Годренсом Бейрангом, вышедшим из дома Чатонде по указу повелителя Изиренса ди Минхора?

– Да, – уверенно ответила из-под покрывала Дора, – я по собственному желанию отдаю любовь и верность Годренсу Бейрангу, получающему по указу королевы Тальзии ее величества Зантарии Риталены Селваронской право на титул князя Марьено.

– Граф Годренс Бейранг, по своей воле ты берешь в дом старшей женой княжну Дореню Марьено?

– Да, – твердо отчеканил Годренс, – я по доброй воле и с нежной любовью беру в старшие и единственные жены Дореню Марьено и клянусь быть ей верным мужем и надежным защитником, а также старшим братом ее сестрам.

– Спасибо, – растроганно шепнула Дора, чувствуя, как по щеке скользнула невольная счастливая слезинка, и решительно подняла с лица кружево покрывала.

– Дора... – на миг задохнулся Год, ошеломленный открывшейся ему красотой невесты и счастливым сиянием синих глаз.

Невидимая воздушная лапа мягко подтолкнула его в спину, и жених тотчас опомнился, бережно взял невесту за руку и уставился на терпеливо ожидавшего учителя.

– По повелению магов плато и позволению правителя Дройвии Изиренса ди Минхора я, магистр плато Вирденс, свободный целитель Ардага, объявляю заключенным нерасторжимый союз между этими любящими людьми, – важно возвестил он, надевая на руку ученика многострадальный браслет. – А теперь идите в святилище и получите одобрение Элторны.

В зале стало необычайно тихо, словно кто-то кастовал заклятие оцепенения, и в этой тишине каждый шаг молодоженов раздавался так отчетливо, что они невольно старались ступать осторожнее.

Двери в святилище распахнулись медленно, как бы с усилием, но сотни свечей, горевших вокруг стоящей посреди комнатки Элторны, приветливо кивнули входящим теплыми язычками. Жених с невестой остановились напротив замотанной в кружево статуи, подняли взоры на ее строгое, отрешенное лицо и онемели.

Элторна смотрела на них с доброй улыбкой, сквозь которую явно просвечивала грусть.

– Будьте благословенны, – раздался под потолком нечеловечески безжизненный голос, – и забудьте о тех, кто дерзнул омрачить радость этого дня. Пусть в памяти живет только светлое. Счастья вашему дому.

Легкое дыхание ветерка пронеслось над свечами, язычки вытянулись вверх, слились в огромный призрачный цветок, взвились к потолку радужным фейерверком, осыпались вниз светлыми искрами и погасли.

Ошеломленные молодожены вышли из святилища под изумленные вздохи не менее потрясенных зрителей, и только теперь придворный маг тальзийской королевы догадался поглядеть на свою невесту. Ее нежно-голубое платье было щедро осыпано маленькими бриллиантиками, переливавшимися в сиянии светильников капельками утренней росы.

Поздравления и оглашение даров Годренс слушал вполуха, вежливо кивая в нужных местах и почти не отрывая взгляда от смущенной и невероятно счастливой невесты. Он догадывался, кто сделал им этот баснословный дар, но не желал ни выяснять подробности,

ни посвящать в эту тайну так неожиданно обретенную и едва не потерянную любимую. И больше всего жалел, что не сможет посвятить ей ни одного дня, вынужденный вновь вернуться в имение королевы. Да и Рада нужно будет завтра забрать... и неизвестно, как тот отнесется к некоторым поступкам Года.

Но одна ночь все-таки в его полном распоряжении есть, и он намерен сделать ее незабываемой, благо учитель подал наглядный пример.

– А от нас приглашение в гильдию магов и ключ, – провозгласил Гуранд. – Эти покои в доме ди Сартено отныне принадлежат вам, можете жить там сколько пожелаете.

– Спасибо, – от души поблагодарил Годренс, поймал встревоженный взгляд молодой жены и учтиво объявил: – Но у меня есть свой домик, и сегодня мы уходим туда. Большое всем спасибо за праздник, я очень тронут.

Обнял Дору за талию и, не дожидаясь возражений, нажал на камни подаренного учителем браслета.

Глава шестая

О разбойнике, лежащем в хижине лекаря очень далеко от кадеток, от Беленгора и даже от Тальзии, и о его отношениях с родичами

– Кто учил тебя так делать? – рыкнул огромный медведь редкого рыжевато-серого окраса и крепко прижал молодого мужчину спиной к деревянному топчану, на котором не лежало не только тюфяка, но и простой дерюжки или шкурки.

Только куцая побуревшая подстилка из целебных трав, еще недавно бывших свежими и зелеными.

– Никто, – нехотя буркнул мужчина, и не пытаясь вырваться из-под тяжелой туши, – но больше я ничего не успевал. Там были девушки.

– А почему они у вас ходят без защиты?

– Кто тебе такое сказал? – фыркнул Рад и охнул: – Ну чего ж ты так давишь? Хочешь лепешку из меня сделать?

– Не хитри и не отвиливай от ответов! – с нарочитой грозностью оскалился лекарь. – Сам знаешь, иначе тебе не удастся прикоснуться кожей к травам, а я на них полфиала зелья вылил. Как пополнишь резерв и встанешь, начну учить и никуда не отпущу, пока не сможешь мгновенно убирать кокон, надоело мучиться с калекой. Так что там про беззащитных девушек?

– Неужели ты вправду думаешь, будто Год мог их туда привести, не закрыв? На них на всех амулеты со второй степенью защиты, он учителя просил поставить. Только их светлости об этом не знают, иначе, как ты сам понимаешь, в надежде на амулеты начнут хитрить и перестанут тренироваться в полную силу. А сегодня могли испугаться – запаниковать, побежать, а у кого-нибудь из дебоширов вполне мог оказаться стержень переноса. У Фангерта же был.

– Откуда, не успел выяснить?

– Вернусь – узнаю.

– Не вернешься, – рыкнул медведь, окутываясь туманом и превращаясь в рослого мужчину с плечами молотобойца. – По крайней мере один. Хватит геройствовать. Я сам с тобой пойду и Ортиса возьму с его парнями. И можешь сколько угодно запрещать, если совсем не ценишь нашу дружбу.

– Нельзя вам туда.

– А тебе можно?

– Мне нужно, ты же знаешь. И я не оборотень.

– Да? Как интересно! Продолжай. – Дунвар, наливавший в кружку багряную жидкость из керамического кувшина, состроил любознательную физиономию. – Кто же ты тогда?

– Обычный человек с примесью вашей крови и незначительными способностями.

– Тогда почему же дед Ирхин отдал тебе свой пояс?

– Просто я самый близкий его родич по крови, – терпеливо пояснил Дирард прекрасно знавшему это Дуну.

– А о том, что такие пояса не могут носить *просто* люди, он тебе не сказал? – Дунвар

поставил напиток рядом с другом и взял в руки ложечку, намереваясь его поить.

– Сказал. А ложку убери, я не умирающий. И пока не голоден.

– Это лекарство. И если не будешь пить, никуда не отпущу. А от ответа не увиливай.

– Ну хорошо... – Неохотно сделав первый глоток, Рад отодвинул руку лекаря, помолчал, тяжело вздохнул и сказал: – Ты забываешь о маленьком исключении из этого правила. Пояс может носить и человек, если у него кроме оборотней были в родне ведьмы или полуэльвы.

– Но беловолосые хозяева Эмаельгейл никогда не оставляли своих детей, – недоверчиво прищурился Дун. Несколько секунд рассматривал друга пристальным взглядом, потом хмуро добавил: – А ведьмы на Идрийском полуострове не живут. Им там магии не хватает.

– Ну вот видишь, – хмуро усмехнулся Рад, – я всегда вам говорил, что мне этот пояс не положен. Тебе он пойдет значительно больше, ты оборотень в седьмом поколении, травник и лекарь. Из тебя выйдет хороший вожак стаи... может, все же забереешь?

– Дирард! – свирепо рыкнул лекарь, и теперь он не шутил. Все флакончики в шкафу отозвались на звук его гулко баса тонким перезвоном. – Ты снова?

– Прости, – кротко вздохнул тот и устало закрыл глаза.

– Не хочешь разговаривать, – усилием воли взяв себя в руки, безнадежно отметил Дун. – Значит, понимаешь, что не прав. Как там зовут тебя твои ученицы? Разбойником? Ну так это они тебе сильно льстят. Ты просто мелкий ярмарочный мошенник, знаешь, есть такие – набьют кошель галькой и с важным видом ходят по рядам, пробуют у доверчивых селян сметану и колбасы.

– Больше никогда ничего не расскажу, – хмуро пообещал Рад.

– И не надо. Теперь я буду рядом с тобой и сам во всем разберусь.

– Я же сказал!

– И я сказал. И могу напомнить, кому я слово давал за тобой присматривать. Но раньше не мог на этот ваш Идрийс попасть, да и магии не хватало. А теперь меня Год перенесет, вместе с парнями, и силой поделится.

– Когда он такое пообещал? – возмущенно нахмурился разбойник, приподнимаясь с топчана.

– Куда?! – тотчас прижала его к поблекшим травам тяжелая рука медведя. – А слово Год дал, когда тебя притащил. Я на него напустился, а он так и сказал, что один не успевает присматривать за всеми. Фанья ведь весь день возле своей госпожи.

– А за вами он успеет следить? – проглотив очередную ложку густого настоя трав и ягод на меду, угрюмо осведомился Рад. – В Тальзии ведь оборотням нельзя свободно ходить куда захочешь. Напасть могут в любом месте и в любое время.

– Но у нас амулеты не хуже твоего, – деликатно напомнил медведь.

– И коконы полные, – едко закончил за него Рад. Помолчал, поглядывая на спокойное лицо ничуть не смутившегося кузена, и нехотя признался: – Зато меня в таких вот случаях, как сегодня, спасает именно та, непонятно чья кровь. Слово кто окошко открывает – сила льется ручьем, и кокон сразу становится непроницаемым именно с той стороны, откуда грозит опасность.

– Так почему же тогда у тебя кожа на спине словно ошпарена? Разве Годренс не мог подлечить?

– Как только с крыши перестал течь жидкий огонь, кокон стал таким же, как обычно, – пожал плечами советник, – а одежда тлела. Ну и обожгло... А Году лечить я не позволил. С этим и ты прекрасно справишься, а ему держать защиту над всем поместьем.

– Тебе нужно учиться управлять своим даром, – твердо объявил Дун. – Не может кокон пропадать и появляться нежданно-негаданно, вызывать его ты должен по собственному желанию. Ведь, сам подумай, насколько твоя жизнь зависит от случая, от каких-то внезапных эмоций и нечаянных мыслей. Вот потренируешься несколько дней и поймешь, какие именно чувства мешают тебе стать хозяином собственного дара.

– Дун, ты думаешь, я не догадываюсь об этом? Но нет у меня на это ни сил, ни времени. Враги все время наступают на пятки, не дают ни передохнуть, ни подготовиться к следующей атаке! И если я на день отвлекусь, могут обойти.

– Надо говорить – наступают на хвост, – поучительно поправил Дун. – И послушайся нашего совета, попроси помощи у учителя Годренса. Магистры никому не отказывают, особенно тем, на кого нападают.

– Нет. Нельзя нам привлекать чужаков. Тем более – магов с плато. Князя и из-за меня на нее смотрят косо, до сих пор никто из королей не назначал советниками простых воинов, даже если они были трижды героями. А я еще и Годренса привел.

– Ну на нее они косо смотрят с тех пор, как погиб Иглунд, а она никого из них не выбрала себе ни в мужья, ни в регенты, – фыркнул Дун пренебрежительно, отставил чашку и скомандовал: – Повернись! Ну вот, теперь значительно лучше. Можешь одеваться. Вечером возьмем у Года зелье, я сам тебя намажу.

– И в кого ты такой упрямый? Не возьму я вас.

– Упрямый я в деда, как и ты. А возьмет нас Год, мы уже договорились, парни вещи собирают. Хотя он сказал, ничего не нужно.

– Там действительно все есть.

Дирард окинул взглядом каменные стены, чисто вымытые, но не завешенные даже шкурами, и огорченно стиснул зубы. Нужно бы сходить на ярмарку, купить им ковров, мебели, занавесей... но некогда. А денег Дун не берет, говорит, для них иметь свой дом – и так огромное счастье. Когда Годренсу удалось отыскать родню Дирарда, оборотни жили в небольшой охотничьей хижине на самом севере Арханы и держали все ценные вещи и младших детей в лесном шалаше. Избушка была занята ими самовольно, и в любой момент мог появиться законный хозяин.

Рад подавил расстроенный вздох, припомнив, как перепугались оборотни в тот летний день девять лет назад, когда на полянку перед хижинкой вышли из портала двое хорошо одетых мужчин. Причем один был в серой мантии маглора. Годренс очень ценил подарок учителя и надевал только в тех случаях, когда опасался, что договориться миром не удастся.

Женщины мгновенно окутались седой дымкой коконов, похватали малышкой, живших с ними в избушке, и самый ценный скарб и метнулись в чащу. Больше всего Рада потрясли в тот момент именно эти малыши – грудные, ползунки, больные... ни один из них даже не пискнул, не то чтобы зареветь.

Все мужчины, кто постарше и посильнее, встали за это время перед избушкой с самым покаянным видом, давая возможность уйти через окно в задней стене всем остальным, как они позже признались. И держали наготове не кинжалы, а кошельки, гадая, в какую сумму обойдется им самоуправство. Герцог Эфройский, почти единолично правивший в те времена Ардагом, был очень суров ко всем нарушителям закона.

Они очень удивились, прямо-таки поразились, когда Годренс вежливо осведомился, где можно найти Сенарга, сына Ирхина.

– А откуда вы его знаете? – еще не успел прозвучать осторожный встречный вопрос, а

дверь избушки уже распахнулась и на пороге, опираясь на рогатину, появился согнутый годами и невзгодами седой старик.

Внимательно рассмотрел незваных гостей удивительно ясными желтоватыми глазами и неожиданно затрясся, как будто увидел нечто невероятное. Протянул руки, прохрипел какой-то непонятный звук и вдруг, выронив свою палку, упал с крыльца навстречу незнакомцам.

Дирард невольно шагнул в ту сторону помочь ему подняться, но оборотни и сами уже подхватили старика, бережно усадили на широкий пенек. А он все мычал нечто нечленораздельное, рвался к Раду, и по его морщинистому лицу светлыми каплями катились редкие слезинки.

В горле парня встал тугой комок, он и сам не смог бы сказать в тот миг ничего вразумительного. Только ощущал, как постепенно тает в душе намертво смерзшаяся глыба старых обид и злых подозрений, а на ее месте прорастает робкая, как первая весенняя травинка, надежда. И вместе с ней просыпается печальное понимание: вовсе он не предавал его мать, дерзкий и ловкий оборотень, сумевший перебраться через Восточные горы и пройти в Тальзию мимо бдительной охраны башни Салмейт. Их род тогда уже искал место, куда можно было бы уйти от бед и напастей родного Ардага.

– Так он не вернулся? – тихо спросил Годренс у рыжеватого богатыря, пытавшегося напоить старца каким-то зельем.

– Нет, – выбралась из-за мужских спин немолодая женщина в мужских штанах и длинной, до колен, рубахе.

Подошла к Раду, внимательно изучила его лицо, кривя губы и смешно, по-кошачьи, морща нос. Кому-то другому юный граф вряд ли спустил бы подобную фамильярность, но спорить с этой оборотницей почему-то не хотелось. Не было в ней ни грана хитрости или подозрительности – наоборот. Небольшие черные глазки смотрели так доброжелательно и открыто, что становилось как-то тревожно за эту чересчур доверчивую женщину. Очень нелегко живется таким и среди прижимистых, подозрительных селян, и среди бдительного и пройдошливого городского люда.

– Это он, – уверенно объявила женщина, обернувшись к сородичам, и внезапно, подняв руку, громко закричала: – Луся! Возвращайтесь! Молодой вожак приехал! Дед, – это она уже смотрела на плачущего старца, – ну что же ты так расстраиваешься? Мы ведь его уже сто раз оплакали... Сенарга нашего... соколика ясного. И даже не подозревали, что он успел где-то сыночка родить... нам на счастье. Или ты не рад?

– Ы! – гневно блеснул глазами старик.

Женщина тотчас ринулась к нему, шлепнулась перед вожак на траву, обняла босые старческие ноги, виновато потерлась щекой об острую коленку:

– Не обижайся на меня, отец, и сам знаешь, нам сейчас вовсе не плакать нужно... Услыхала хозяйка Эмаельгейл наши молитвы, послала спасение. Молод он и умен, и зла в нем нет. Была боль... но теперь проходит. Так каково твое решение?

– Не слишком ли ты его торопишь, мать? – хмуро пророкотал великан. – Может, мы сначала за столом посидим, поговорим?

– Ы! – снова громко возразил старец и сделал Раду знак приблизиться.

Тот шел спокойно, зная доподлинно – защита Года уберезет от любых сюрпризов. Да и сам дроу ни за что не прозеваает внезапного нападения или ловушки, недаром ведь снаряжался в это путешествие как на войну. Однако поступок старого оборотня оказался полнейшей неожиданностью для них обоих. Старец медленно и важно снял с себя потертый

серебряный пояс с ножнами, из которых виднелась украшенная камнями рукоять кинжала, благоговейно поцеловал сверкнувшее заговоренной сталью лезвие и почтительно протянул артефакт Диранду.

Замерли настороженными статуями оборотни, за спиной графа что-то предостерегающе пробормотал Годренс, но Рад ни на миг не засомневался и не промедлил. Откуда-то знал, как обидятся его новые родичи, если в этот важный момент он заколеблется либо выкажет подозрительность или страх.

Он взял пояс в руки, так же, как прежний хозяин, поцеловал лезвие, с изумлением ощутив, как нагрелся в ответ металл, и поспешил застегнуть его на торсе.

А в следующее мгновение потрясенно замер, рассмотрев короткую, как молния, вспышку света и ощутив, как плотно обнял тело неведомый артефакт.

– Ого, – поражено присвистнул Годренс, но тут же спохватился, почти серьезно поздравил: – С новым званием, ваша светлость!

– Это не звание, а должность – вожак стаи, – тихо поправила женщина, продолжая сидеть у ног бывшего вожака, и еще тише намекнула: – По нашим правилам ты должен сейчас угостить свою стаю, у нас мясо есть, можем уступить...

– Может, лучше я принесу? – деликатно предложил Год.

– Неси ты, мы пока познакомимся, – сразу принял решение Рад, кивнув другу, намного больше его знавшему об обычаях оборотней.

Начинать так непредсказуемо свалившееся на него правление стаями с займов казалось неправильным, и облегченные улыбки, появившиеся на посветлевших лицах оборотней, подтвердили правоту его подозрений.

Хрустнул стерженок переноса, и едва Год исчез, женщина легко поднялась с земли и скользнула к новому вожаку.

– Меня зовут Беона, а это – Ирхин... твой родной дед по отцу. А мать твоя жива ли?

– Нет, – без запинки привычно солгал Рад и уверенно перехватил инициативу: – А меня зовут Диранд Шаграйн и живу я на Идрийсе. А тут учусь... Годренс учит меня защищаться.

– Ты доверяешь этому дроу? – напрямик спросил великан, и по тому, как насторожились все оборотни, Рад понял, что этот вопрос живо волнует их всех.

– Да, – твердо ответил он и усмехнулся, вспомнив случай, столкнувший его с магом. – Мы дружим уже почти три года. Сначала я спас его, потом он не раз выручал меня... Если бы не упорство Года, сам я никогда не смог бы вас найти.

Говорить новой родне о том, как долго пришлось дроу уговаривать его познакомиться с родней, граф Шаграйн не собирался. Мало ли больших и малых ошибок мы совершаем в жизни, не стоит о них вспоминать, если в конце концов выбран верный путь.

– Ты готов? Годренс пришел, – заглянул в комнату Дунвар, бесцеремонно вырывая вожака из плена воспоминаний, и Рад со вздохом шагнул к двери.

Все-таки очень мало времени и внимания он уделяет своей стае, после того как перевел ее сюда, в купленное Годренсом на свое имя маленькое поместье, расположенное в отдалении от всех городов и селений на северо-западном склоне Западных гор. Когда-то здесь было хотя и маленькое, но самостоятельное королевство Архана, однако один из предков короля Георгиуса присоединил его к Ардагу, женившись на единственной арханской принцессе.

– А вы с ума, случаем, не сошли? – ошеломленно охнул граф через несколько минут, рассматривая кучку так хорошо знакомых парней, его верных воинов из отряда Черных

волков. – А кто будет женщин и детей охранять?

– Тут еще почти десяток взрослых мужчин и несколько подростков остается, – уверенно сообщил Дун. – А оборотней в Ардаге после договора, который заключил Лоурден с дроу, никто не трогает. Боятся Иридоса, главу дома ди Тинерд.

– Вы жалеете, что не пошли к нему? – невольно сорвалось с губ Дирарда, и он сердито нахмурился.

– Неужели ты сомневаешься? Ну конечно же нет. Ты пришел в самый тяжелый для стаи момент, не колеблясь принял нас, купил жилье, а Год вылечил деда... – Дун резко прервался и подозрительно уставился на вожака. – Может, тебе просто не хватает хороших слов? Так скажи, мы будем устраивать ежедневные вечерние восхваления.

– Это я буду устраивать вам ежедневные утренние нагоняи, – притворно рассердился Рад. – И Году тоже! Наобещал вам, не посоветовавшись со мной, а теперь стоит и веселится. Годренс! Ты думаешь, я не вижу твоей блаженной улыбки?

– А? Улыбка? – невпопад спросил маг и вдруг расплылся еще шире: – Но это не потому... просто я женился.

Глава седьмая

О странностях любви, привередливых фрейлинах, настойчивых мужчинах и неожиданных поворотах судьбы

– Вот скажи, чем я ей нехорош? – расстроено спрашивал кого-то за кустами мужчина, в котором Бет по голосу опознала рыжего весельчака Мишеле и сразу же поспешила свернуть на боковую тропинку.

– Ты же не объясняешь всем влюбленным в тебя юным графиням и баронессам, почему воротишь от них нос? – устало буркнул в ответ Ительниз Габерд. – Ну попытайся послать ей цветы или спой, тут сейчас не осталось никого из тех придворных острословов, которые могли бы высмеять тебя за серенаду.

– Мне плевать на их плоские шуточки, – невесело пояснял все удаляющийся голос рыжего графа. – Я боюсь отпугнуть ее чрезмерной назойливостью.

«Когда это мужская настойчивость пугала не привыкших к вниманию бесприданниц?» – хмуро фыркнула Бетрисса и снова вернулась на центральную дорожку, ей нужно было добраться до той из клумб, на которой она заприметила сизые метелочки садовой мяты. Не самое сильное успокаивающее, зато хорошо знакомое, матушка Тэрлины постоянно пила мятный чай и всех убедила, что это лучшее средство от бессонницы и приходящих по ночам невеселых дум.

Конечно, проще было бы попросить горстку у прислуги, но они могут доложить Аньяте, а та забеспокоится, прибежит с вопросами. После памятного объяснения домоправительница считала своим долгом особо опекать Бет и смотрела на нее преданным взглядом верной собаки. И у мага нельзя попросить какое-нибудь немудреное зелье. Он о чем-то догадывается, и лицо сразу становится такое виновато-замкнутое, что пропадает всякое желание к нему подходить.

Клумба оказалась ближе, чем помнилось Бетриссе, и она споро срезала маленьким ножом пучок знакомых веточек. Добавила к ним для маскировки крупных лиловых колокольчиков и дюжину нарядных ромашек, завязала получившийся букет платочком и повернула назад.

Но не успела сделать и нескольких шагов, как дорогу ей уверенно заступил подтянутый, хорошо сложенный мужчина, в котором старшина кадеток сразу узнала собственного мужа. В отлично сшитом дорогом костюме и отделанной торемскими кружевами белоснежной рубашке он казался минуту назад сошедшим с крыльца модного портного и выгодно выделялся среди оставшихся в Беленгоре господ.

И это обстоятельство, несомненно, весьма привлекательное для дам всех возрастов, заставило кисло поморщиться герцогиню Лаверно. Бет более чем отлично знала, как непросто живется женам таких франтов. Им приходится изо всех сил следить за модой и фигурой, целыми часами терпеть бесцеремонные руки банщиц, массажистов, цирюльников, камеристок, модисток и еще невесть кого. А на балах и приемах не наслаждаться танцами и кушаньями, а неусыпно следить, не получил ли благоверный тайный знак или послание и не исчез ли с очередной прелестницей в запутанных коридорах королевского дворца.

– Вы позволите вас проводить? – рассмотрев в сгущающихся сумерках появившееся на серьезном лице жены страдальческое выражение, с преувеличенной вежливостью осведомился Тайвор.

– Да, – сухо усмехнулась Бетрисса и шагнула вперед, не желая брать его под руку.

– Вам не кажется, ваша светлость, что нам нужно поговорить? – спустя пару минут так же вежливо осведомился герцог, указывая в сторону беседки, мимо которой они проходили.

– Не кажется, – почти огрызнулась Бет и тотчас, опомнившись, чуть мягче пояснила: – После сегодняшнего происшествия я разлюбила беседки.

– Понимаю, – мягко произнес Тайвор, догоняя жену и искоса поглядывая на ее четкий профиль. – Но тогда где и когда?

Бет с удовольствием сказала бы: «Через три года», но, увы, не имела такой возможности. Ничем он пока не заслужил столь грубого обращения. Наоборот, вступил в бой с обнаглевшими прихлебателями Фангерта, не сбежал вместе с придворными из Беленгора и ведет себя очень предупредительно, не требуя от Бетриссы никаких супружеских обязанностей. И даже за столом не стремится сесть рядом.

Но кто знает, надолго ли хватит учтивости так внезапно появившегося мужа, если позволить ему сократить между ними расстояние? Всем известно, мужчины большие собственники и считают своей любую территорию, куда хоть раз ступила их нога. Но и идти в его покои тоже глупо... даже маленькая уступка может очень легко превратиться в обязанность.

– Мне нужно заварить чай, – нехотя приняла решение Бетрисса, когда они добрались до крыльца, – но позже, примерно через полчаса, мы можем встретиться в оранжерее.

– Буду ждать, – твердо заверил герцог, отрезая ее светлости все пути к отступлению, и бережно подхватил ее под локоток. – А помочь вам подняться по лестнице – мой долг.

– Да? – неожиданно весело фыркнула его жена, сразу припомнив предупреждение Фаньи о завтрашней тренировке. Выдернула руку, сунула вместо нее букет и, сжалившись, предложила: – Лучше несите это, чтобы я не надорвалась.

А сама легко пошла впереди, не желая смотреть на разочарованное лицо франта, в которого нежданно превратился бывший отшельник. И упорно отказываясь даже мысленно признавать себя чересчур строгой и неуступчивой. В конце концов, она же подписала обязательство не встречаться с ним три года, и никто пока этого правила не отменил. Вот вернется завтра разбойник, тогда и станет понятнее, остаются ли в силе старые порядки.

А чуть позже, заваривая для Тэри чай и искоса поглядывая на букет, который при расставании муж умудрился вручить ей так многозначительно, словно собрал собственноручно, Бетрисса перебрала в памяти весь их разговор и расстроилась.

Слишком уж легко ему удалось вырвать у нее согласие на свидание, не приложив к тому особых усилий и не мучаясь сочинением убедительной речи или сонета. И даже не затратив ни медяка или собственного труда на приготовление хотя бы простенького подношения.

И это значило только одно: за годы, проведенные в замке Ульгер, Бет совершенно отвыкла думать о себе как о достойной счастья и мужского внимания женщине и не изменила своего представления до сих пор. Хотя и видела по утрам в зеркале очень привлекательную молодую особу, да и заинтересованные взгляды придворных тоже не могла не замечать. Но не сочла их ни важными, ни нужными, по ставшей правилом привычке отложив устройство собственного счастья на неопределенный срок.

И если честно признаться самой себе, то и не хотелось ей пока ничего менять, хлопотно это и не так-то просто. Времени и сил, и обычных, и душевных, возьмет много, а доставит ли хоть какую-то радость – неизвестно. Зато непременно принесет заботы и тревоги, вот в этом можно не сомневаться.

А у нее сейчас тренировки и учеба, обязанности старшины и фрейлины, да еще и непременное переодевание не менее трех раз в день. Придворным дамам непозволительно приходиться к завтраку и обеду в одном и том же платье. К тому же и девушки нуждаются в ее помощи и советах, и за Карлом нужно приглядывать, ее светлость маркиза Ольмия Дарве Ульгер сляжет, если с сыном случится беда.

Но самая ее главная забота – это Тэри, так неосмотрительно влюбившаяся в мужчину, с предельной откровенностью избегающего всяких намеков на флирт. Он никогда не позволяет кадеткам в отношении себя ни малейшей фамильярности, и сам не отпускает даже невинных шуток, не говоря уж о комплиментах. Самый верный признак осознанного нежелания разбойника заводить как серьезный роман, так и мимолетную интрижку. И значит, придется неусыпно следить за воспитанницей, помнит Бет, на какие поступки могут толкнуть девушку боль и отчаяние неразделенной любви.

Вот поэтому и не станет она ни о чем договариваться с этим как снег на голову свалившимся на нее мужем. Но на свидание пойдет – просто из вежливости. И сразу же скажет ему, чтобы не тратил зря на нее время и не надеялся ни на какие любезности. А лучше всего пусть возвращается в столицу и радуется жизни.

Бетрисса придвинула к постели Тэрлины маленький столик, поставила на него чайничек и чашку с чаем и поспешила в свои покои привести себя в порядок.

Переодеваться она не стала, многие мужчины считают простое желание женщины быть нарядной или опрятно одетой хитрой ловушкой, сооруженной с единственной целью – заполучить их в свои объятия. А некоторые очень внимательны к тому, как выглядит пришедшая на свидание женщина, и даже составили для себя целый справочник тайных намеков и знаков. И как Бет подозревает, ее муж как раз к таким и относится.

Поэтому старшина решительно смыла с лица и пудру, и помаду, приколола парик с самой простой прической и сняла все украшения, кроме скромного колечка. А затем набросила на плечи невзрачную темную накидку и отправилась на свидание с собственным мужем.

– Бет? – Сидевшая в общей гостиной Октябрина мрачно изучала огромную корзину роз, перевитую шелковыми лентами и серебряным шнуром.

– Муж желает поговорить, – не стала скрывать старшина. – Отказаться было неудобно.

– Если хочешь, я могу тебя позвать, – предложила герцогиня Сарнская, – но немного позднее... Мне намекнули, что скоро в мою честь прозвучит серенада.

– Лучше бы я послушала, как поет Мишеле, – вздохнула Бетрисса. – Все хвалят его голос. А звать меня не нужно, я там долго не задержусь. Не о чем мне с ним разговаривать, а утром на тренировку.

– Судьба зла, – безнадежно вздохнула Окти. – Лично я лучше послушала бы дядюшку, он всегда рассказывал очень интересные истории.

– Я бы поменялась, – усмехнулась Бетрисса, – но, боюсь, Мишеле никогда не простит мне этой шутки.

Герцог Лаверно ждал жену в трех шагах от двери, и Бетрисса с первого взгляда

рассмотрела, что он успел переодеться. Теперь на нем были более простые на вид, но не менее дорогие темно-серые штаны и рубашка на тон темнее, с почти незаметной изящной вышивкой на плечах и вороте. На поясе висел лишь небольшой кинжал в скромно украшенных ножнах, а на левом запястье красовался старинный золотой браслет, заявляющий всем о том, что его владелец уже связан священными узами.

– Спасибо, – шагнув к жене, очень серьезно произнес Тайвор, взял ее руку и поднес к губам, коснувшись дрогнувших пальцев бережным поцелуем. – Идем.

Бетрисса на миг смешалась, не найдя в ответ достойной шутки или замечания, а потом было уже поздно: герцог уверенно вел ее между вазонами и колоннами к полянке, на которой любила завтракать ее величество. К удивлению ее светлости, сегодня здесь было светлее, чем обычно, весело трепетали язычками алые свечи в бронзовых бра и подсвечниках, расставленных на маленьких столиках.

– Как мне стало известно, – подведя жену к одному из кресел, доверительно сообщил Тайвор, – вечерний чай все решили пить в своих покоях, и нам никто не помешает.

Легко придвинув к ногам Бетриссы загадочно накрытый салфеткой столик, герцог сдернул белоснежную ткань, и взгляду кадетки предстало неожиданное зрелище. Стол был сервирован для чаепития, и, судя по безукоризненно расставленной посуде и букетам, занималась этим выученная горничная. Чашек оказалось только две, и сам собой напрашивался невеселый для ее светлости вывод – герцог заранее все продумал и договорился с прислугой.

Значит, помрачнела Бет, Лаверно даже не сомневался в своем умении убеждать женщин, и ей только казалось, будто выбор делает она. На самом деле все уже было решено за нее.

– Я заранее попросил накрыть к чаю, – словно угадав ее мысли, спокойно объяснил Тайвор, устраиваясь напротив, – и если бы ваша светлость мне отказала, то позвал бы Карла.

– Когда он уезжает? – поняла намек Бетрисса и нахмурилась еще сильнее.

Нет, она не боялась, что маркиз может рассказать герцогу о ней нечто предосудительное, Карл был честен и прям и не любил злословить и сплетничать. Особенно о родичах и тех, кого считал своими друзьями. Да и кроме того, ни одной из ее тайн он попросту не мог знать.

Но ей не нравилось, что герцог пытается подружиться с теми, кто ей дорог и имеет возможность оказать на нее влияние.

– Ваша светлость, – огорченно глянул на нее герцог, – я не хочу вам лгать, будто не знаю ответ на ваш вопрос. Но пусть лучше на него ответит сам маркиз Дарве Ульгер.

– Я его не застала, – не желая оправдываться, сухо сказала Бет чистую правду.

Когда она пришла на балкон, Карла там уже не было.

– Я могу послать за ним горничную, она сидит неподалеку, – вежливо предложил Тайвор и снова пояснил: – Тут очень предупредительная экономка.

– Да?! – невольно изумилась Бетрисса, весело взглянула ему в глаза и поспешила опустить взор на тарелочку с пирожными. – Действительно.

– Я не совсем понял, чему ваша светлость так удивилась, – с обезоруживающей прямоотой заметил Лаверно, – но сначала хотел поговорить о другом. Вот это принадлежит вам, и вы можете носить его на руке или держать в шкатулке, но не должны ни дарить, ни продавать. Кроме исключительных случаев, разумеется, если от этого будет зависеть ваша жизнь или свобода. Или жизнь дорогих вам людей.

Герцог поставил перед женой небольшую шкатулку и щелкнул замочком. Крышка

поднялась, и Бет рассмотрела такой же браслет, как и на запястье мужа, только более изящный.

– Я с удовольствием взяла бы... – внезапно оказалось, что говорить стало трудно, Бетриссу душили непрощенно подступившие к горлу слезы, показывать которые она не желала никому, – но...

– Не нужно никаких «но». – Тайвор вдруг оказался рядом с ней, опустился на одно колено и бережно, но твердо взял в ладони мявший платочек кулачок. – Просто возьмите, вместе с моим уважением и обещанием защищать вас от всех бед и напастей, как предписано защищать своих жен мужчинам рода Лаверно.

Браслет легко скользнул на руку растерявшейся старшины, замкнулся с легким щелчком, и маленький ключик лег в стоящую перед ней шкатулку. Герцог бережно поцеловал руку Бет и неспешно вернулся на свое место, ничем не выдав желая остаться рядом с той, что уже принадлежала ему по всем законам, кроме одного, неписаного, но самого важного: пока еще сама жена не признала этого ни словами, ни действиями.

– Ваша светлость! – запоздало вспыхнула негодованием Бетрисса, вдруг почувствовав себя прежней наивной и доверчивой фрейлиной, которой когда-то так легко было вскружить голову.

– Вы можете звать меня просто Тайвор... или как-либо еще, на ваше усмотрение, – снова доверительно улыбнулся он и нежно добавил: – Моя дорогая.

– Ваша светлость!

Бет смотрела в его сухощавое лицо, в невозмутимые светло-карие глаза, в самой глубине которых прятались искры веселья, и снова, впервые за последние годы, не находила слов. Хотя трудно было не понять, чему он радуется, этот упорный герцог, почти насильно всучивший ей фамильный браслет. Считает, будто одержал первую победу, и даже не догадывается, как напрасны его старания.

Да ему вовсе не завоевывать ее нужно было, а просто подождать, пожить в свое удовольствие. Видела она, как истово бросаются в жизненные водовороты те, кого целителю удалось увести с последней тропы. Вот и пусть бы повеселился, она закрыла бы глаза на шалости мужчины, не дававшего ей никаких клятв. Ну, по крайней мере, глядя в глаза.

– Признаю, я виновен, – без малейшего раскаяния произнес Лаверно и подвинул ближе к Бетриссе вазу с ее любимыми булочками.

Вернее, это все так считали в доме маркиза, а она никого и не разубеждала. Зачем рассказывать о том, как обожаешь баснословно дорогие контрабандные торемские сладости, людям, не имеющим лишней монетки на новую пару туфель?

– Но только в той слабости, – твердо продолжил герцог, так и не дождавшись от жены ни прощения, ни вопроса, – которую проявил, получив предложение ее величества. Так вдруг захотелось жить... навести порядок в своих владениях, приструнить обнаглевших племянников, да просто поесть жаренного на вертеле мяса. Лгать не стану, о вас я тогда думал меньше всего. Понимал, что очередной любимице королевы понадобился только мой титул, а вовсе не я сам, и не огорчился. Не такая уж это великая цена за внезапное выздоровление, хотя, признаюсь, о вашей репутации справился первым делом. Честь предков иногда дороже даже жизни. Но ее величество, да и маркиз Дарве Ульгер, о вас самого высокого мнения.

Замершая от неожиданности этого откровенного признания Бет невольно усмехнулась, и улыбка эта против ее воли вышла горьковатой и слегка презрительной. Неужели она могла бы

позволить себе хоть чем-то запятнать свое доброе имя, когда только это и оставалось у нее в жизни? И что еще важнее, от безукоризненности ее репутации всецело зависело ее общение с Тэри. Как ни добры и отзывчивы были хозяева замка Ульгер, но они никогда бы не допустили, чтобы на дочь пала тень чужих ошибок или выходов. И все же Карлу не следовало беседовать о ней с первым встречным.

– Карлант ничего не стал мне о вас рассказывать, – отмел молчаливые предположения Бетриссы герцог, тайком посматривая, как она, забыв про булочки, в растерянности таскает с вазочки ореховую халву и ломтики привяленных торемских фруктов, – но он человек прямой и пока не умеет скрывать свои эмоции. После разговора с ним я окончательно уверовал, что судьба вдруг расщедрилась и сделала мне баснословный подарок, отказываться от которого я не собираюсь.

«Ну вот он и добрался до главного», – ехидно ухмыльнулась про себя Бет.

Причем довольно быстро, прямолинейно и без особых романтических затей. Собрал все в один букет: свидание, свечи, цветы, браслет, объяснения и вот эти торемские сласти – и думает, что она уже готова растаять и ринуться впереди мужа в его покои... А где он, кстати, живет, если охрана беспрепятственно пропускает герцога на третий этаж? Да и его ли одного?

– Ваша светлость, извините, – подтверждая ее предположения, по дорожке торопливо шел маркиз Дарве Ульгер, – я всего на минуту. У меня вопрос к Бет... извините, к ее светлости. Ты не знаешь, где Тэри и почему меня к ней не пускают?

– Тэри спит, – невольно улыбнулась Бетрисса, Карл от беспокойства все время сбивался на привычное обращение, – я с ней сидела. А на женскую половину тебя не пустят, такие тут порядки. А где твоя комната?

– Нам с твоим мужем выделили покои на третьем этаже, – думая о своем, отчитался лейтенант. – А почему это она спит целый день?

– Так ведь Годренс усыпил, – с наивным видом «выдала» мага старшина и тут же его оправдала: – Она немного приболела. Но до утра должно пройти. А ты утром уезжаешь?

– Нет, я остаюсь, Тайвор взялся добыть мне командировку. Пока не уговорю Тэри вернуться домой, буду за ней присматривать. Еще раз извините.

Маркиз развернулся и убрел в сторону мужских спален, а ее светлость проводила друга взглядом и задумалась, понравится ли появление добровольных охранников разбойнику или все это изначально входило в его планы?

– Ваша светлость, вы ничего не хотите спросить или сказать? – понаблюдав за хмурившейся женой несколько минут, мягко осведомился Лаверно. – Может, вам хочется отругать меня за назойливость, поспешность или бесцеремонность? Я готов выслушать все ваши обвинения и понести любое наказание.

– Ваша светлость, – укоризненно глянула Бетрисса, нашедшая наконец самый убедительный аргумент, – у меня нет к вам никаких претензий. Вы все делаете просто замечательно и наверняка сами это знаете. Ведь немногие мужчины на вашем месте вообще начали бы объясняться с законной женой, и этому я вижу только одну причину. Вас, несомненно, предупредили, чтобы вы не менее трех лет не искали со мной встреч?

– Да, – твердо кивнул он. – И хотя в тот момент я не понял почему, но сначала не собирался нарушать данное слово. А потом, занимаясь делами и постепенно возвращаясь к прежней жизни, вдруг осознал, как опасно сейчас находиться рядом с королевой.

– И вы, как Карл, прибыли, чтобы уговорить меня уйти отсюда?

– Я прибыл потому, что это мой долг – защищать свою жену, и уезжать не намерен. – Слова были довольно резкими, но произнес их Тайвор очень мягко, почти извиняясь, хотя по его лицу Бет ясно видела: меньше всего в жизни его светлость считает себя в чем-либо виновным. – И не важно, сколько времени вам понадобится, чтобы отработать принятые обязательства.

Ресницы Бет на миг взметнулись, выдавая ее изумление, взгляд бледно-серых глаз столкнулся с внимательным и все понимающим взглядом светло-карих, и старшина снова растерялась. Он словно знал загодя все ее доводы и приготовил обезоруживающие своей простотой и искренностью ответы, именно такие, каких женщины ждут от мужчин.

И уже это само по себе было невероятным, но становилось стократ более невозможным, так как происходило не с гордой и честной Тэрлиной и не с уязвимой и обидчивой Кателлой, а с ней, раз и навсегда отказавшейся от всяких надежд Бетриссой Форсье. И ничего не значит, что по какому-то капризу судьбы сейчас ее зовут светлостью и герцогиней, сама Бет еще не поверила в это до конца и иногда во сне видит, как кто-то строгим голосом отчитывает ее за обман.

– Мне пора к Тэри, спасибо за чай. – Бет порывисто поднялась со стула и, не ожидая ответа, ринулась прочь, под защиту надежных запоров и не менее надежных подруг.

– Я провожу. – Тайвор бросился следом, но герцогиня не ответила и не оглянулась, хотя и слышала звук его шагов и ощущала за плечом его дыхание.

Однако, ускользая на женскую половину, все же бросила:

– Спокойной ночи, – и упрямо поджала губы, расслышав в ответ ласковое и печальное:

– Спокойной ночи, моя дорогая.

Глава восьмая

Об оборотнях, кадетках и давно минувших событиях, подруживших троих сыновей разных стран и рас

– Поздравляем! – первым опомнился Дун и принялся мять в огромных ручищах мага, которого считал почти родичем. – А я и думаю, почему ты в кои-то веки пахнешь женщиной, а не своими зельями!

– Он упорно разрушает мои планы, – ехидно буркнул Рад, – и при этом даже не просит прощения. Да он нас и на свадьбу не пригласил!

– Приглашаю. – Ошарашенный и непривычно смущенный Годренс торопливо возводил вокруг себя щиты – последовать примеру Дуна пожелали все оборотни. – Торжество будет сегодня в Беленгоре. Вчера состоялся только ритуал по обычаям дроу.

– И как восприняли невесту твои родичи? – едко усмехнулся вожак, не хуже самого дроу знавший о его семейных неурядицах. И тут же пожалел о том, что спросил, не подумав, лицо друга вмиг заледенело, а его глаза полыхнули неистовой ненавистью. – Год! Извини! Я и не догадывался, что все так плохо.

– Все даже хуже, чем ты думаешь, – усилием воли заставляя себя успокоиться, процедил маг, – но об этом позже. Все готовы? Открываю проход.

Всего через несколько мгновений толпа настороженно озирававшихся оборотней стояла посредине просторного нижнего зала, который ни у кого язык не повернулся бы назвать прихожей. Беленгор встретил их тишиной и утренней прохладой, ароматом цветов и ошеломленными взглядами егерей, стоящих на посту у входных дверей.

– Отбой, – резко скомандовал советник, рассмотревший дернувшиеся к оружию руки воинов. – Где Майзен?

– Здесь. – Онгерт уже торопливо спускался по лестнице. – Звал?

– Это отряд «Черные волки», командир Дунвар, или просто Дун. Распредели по постам в доме и двоих на ворота, будут стоять по очереди. Без их разрешения не пропускать в Беленгор никого и ничего. Так и скажи своим ребятам – если хотят жить, пусть даже ягодки ни у кого не берут. И корми воинов получше, рыбы и фруктов пусть едят сколько захотят.

– Уже сказал, – серьезно кивнул Майзен и добавил: – Думаю, лучше поселить их на первом этаже, они ведь свободу любят?

– Мы Рада любим, – тихо буркнул кто-то из молодых оборотней и тотчас серьезно поинтересовался: – А по поместью можно пробежаться?

– Сначала я оповещу всех дозорных, – поспешил отказать Майзен, – а вы идите в малую столовую, там повариха как раз ночную смену кормит.

– А мы наверх, – коротко предупредил Годренс и увлек друга в портал.

– Могли бы и дойти, – попенял Дирард, обнаружив, что они стоят посреди его собственной спальни, и сбросил рубаху. – Ну, раз тебе некуда девать энергию, подлечи. Дун, конечно, хороший целитель, но ты же знаешь про мое уродство, да и зелья у него чересчур пахучие. А заодно расскажи, какую еще пакость придумал твой дядя?

– Не пакость, а убийство. И не он, а те, кто пытается меня запугать и заставить отказаться от охраны королевы, – с ненавистью выдохнул Годренс. – Но ума у них не хватило додуматься до простой вещи. Если до этого я только защищался и защищал вас, то теперь буду охотиться за ними и не остановлюсь, пока не убью всех до одного.

– А поподробнее? – помолчав, осторожно осведомился Рад, не узнавая в этом разъяренном мужчине рассудительного и даже в чем-то расчетливого друга.

– Расскажу, хотя приятного мало. Но сначала должен передать тебе спасибо от Доры, она так и сказала – если бы не твои подлые ловушки, она бы не смогла взять себя в руки и найти выход. А у меня до сих пор спина леденеет, как представляю, чем все могло закончиться. Но слушай по порядку...

[Купить полную версию книги](#)